

ОЛЕГ
КУЛАГИН

РУССКАЯ
ФАНАСТИКА

МОСКОВСКИЙ ЛАБИРИНТ

Олег Кулагин
Московский лабиринт
Серия «Московский лабиринт», книга 1

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=126384
Московский лабиринт: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-24459-1

Аннотация

4 февраля 2012 года кто-то взорвал ядерную боеголовку в центре Лос-Анджелеса. И «мировая цивилизация» нанесла удар по «гнезду терроризма», которым в очередной раз была «назначена» Россия. Америка победила. А Россия... Была ли вообще такая страна? Москва стала огромной западней, Смертельным лабиринтом. Как отыскать в этом лабиринте единственно верный путь? Кому можно доверять, если самый надежный – предает? Одиночка не выживет здесь. Но ты не один. Даже когда гибнут товарищи, стисни зубы и не раскисай. И ты пройдешь через все – ради Победы.

Кто сказал, что России нет? Есть такая страна.

Содержание

1. Враги и друзья	5
Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	20
Глава 4	25
Глава 5	33
Глава 6	40
Глава 7	48
Глава 8	53
Глава 9	59
Глава 10	64
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Олег Кулагин

Московский лабиринт

В детстве мне казалось – где-то недалеко начинается удивительный мир. Может, за рощей по ту сторону длинного оврага, а может за башнями «высоток» у горизонта...

Как радуга, он манит и отступает. Но иногда удивительный мир совсем близко – только протяни руку...

Да, сразу его не отличишь. Он прячется и не хочет открывать свои тайны. Но если посмотреть, как вспыхивают звёзды, как дрожат в ручейках тепла над нагретыми крышами – понимаешь, что в заурядном, скучноватом мире не бывает такого неба.

Долетает тихая мелодия, всплывает за окном луна... И ты чувствуешь, ты знаешь, всё плохое – такое же ненастоящее, как бумажные цветы. Однажды оно развеется. И вместе с самыми дорогими тебе людьми – папой, мамой и братишкой, ты окажешься там, где волшебству не надо прятаться...

В девять лет я впервые попала в Москву. Вместе с родителями, поднялась из суматошного тесного метро под ясное майское небо, через арку ворот прошла на Красную площадь.

И всё ненужное вдруг потускнело. Словно и не было хмурой толпы в переполненных вагонах, и нищих у выхода со станции.

Осталась лишь залитая солнцем площадь, огромное бесконечное небо над ней. Небо, в которое хотелось взлететь.

Люди здесь были совсем другими. Хмурые лица разглаживались, взгляды светлели. И я знала, что иначе и быть не могло. Ведь это – кусочек настоящего мира. Здесь не надо притворяться плохими. Здесь всё фальшивое отпадало, словно лепестки бумажных цветов.

Счастье для всех – это так просто...

Я долго не хотела уходить и родители, улыбаясь, терпеливо ждали. Они тоже чувствовали...

Семь лет спустя, когда я поступила в МГУ, я часто бывала на площади. Одна или с друзьями. Когда мне было очень трудно или очень хорошо – приходила сюда. И каждый раз, плохое – рассеивалось, а настоящее – ярче проступало внутри и вокруг, словно акварель через тонкую бумагу.

И счастье казалось возможным и близким – только руку протяни...

Но однажды, я не успела. Я пришла слишком поздно.

Высокоточные бомбы уже упали на площадь и на застывшие, как солдаты на посту, башни Кремля. В пламени исчез собор Василия Блаженного, осколком ракеты снесло головы бронзовым Минину и Пожарскому. Огромные воронки свежими ранами задымились на теле убитой площади.

Сквозь слезы, я посмотрела в небо. Оно было чужое. Оно несло смерть и уже мне не принадлежало.

В тот мартовский вечер всё кончилось.

1. Враги и друзья

Глава 1

– Пошла! – толкнули в спину. Тяжелая дверь захлопнулась. Шаги удалились.

Я замерла, выжидая. После яркого неоновых света в коридоре, глаза должны привыкнуть к сумраку.

Экономят электричество? Впрочем, еще день. Врубить освещение на всю катушку ещё успеют.

Ночи здесь длинные... Лучшее время для допросов.

Я огляделась.

Подвал, как подвал. Небольшой – три на четыре метра. Со всеми «удобствами»: в углу – санузел, в вентиляционном отверстии – «зрачок» наблюдения. Для него света вполне достаточно.

Крохотное окошко у самого потолка выходит во внутренний двор. Бронестекло? Сквозь пыльные разводы проглядывают толстые прутья решетки. Окно не перекрыто «намордником». Не успели они, что ли?

А кладка стен – прочная, даже в том месте, где еще свежая. Длинное помещение совсем недавно разделили кирпичными перегородками на камеры.

Нет, отсюда не убежишь.

Даже если, каким-то чудом удастся выскользнуть наружу. Во дворе и вокруг, по периметру забора – пулеметные вышки, прожектора, часовые с собаками. И видеоглазки – повсюду.

Даром, что Служба Охраны Конституции переехала сюда меньше месяца назад.

В этой камере я – первая. Воздух пока не успел пропитаться испарениями человеческих тел, хлоркой и еще чем-то неизвестным. Тем, что вместе составляет такой въедливый, будто наполненный мертвящей безысходностью запах...

Я открутила кран, плеснула холодной воды в лицо. Утёрлась рукавом. Поудобнее взбила тюфяк на деревянных нарах. Стащила с себя куртку, кинула вверх и легла.

Запах тюрьмы. Я хорошо его знаю... Года в питерском «центrale» хватило, чтобы всё намертво отпечаталось в памяти...

Воспоминания лезут в голову. Галдят, как непрошеное воронье... Сейчас не до них. Я должна быть спокойной и логичной...

Коснулась голым плечом стены и зябко поежилась. Камень – холодный, как лёд. Хорошо, что сейчас июнь, а не зима. Что здесь было раньше? Какой-нибудь склад?

Чины из «охранки» наверное были недовольны, когда им достались эти подвалы...

Сегодня я вернулась из Москвы около десяти утра. Поезд опоздал на два часа. Пришлось раскошелиться и взять такси. Подумала, что Старик, наверняка, уже волнуется. Квартала за три до нашего дома расплатилась и пошла пешком – дальше дороги не было. Аварийное здание неделю назад обрушилось и улицу до сих пор не расчистили.

Как раз перебиралась через завалы, когда вдалеке хлопнули пистолетные выстрелы: один... второй. Тишина.

Остановилась. Выстрелов больше не было. И я сделала глупость. Вместо того, чтобы выждать, затаиться – снова двинулась вперед. Мало ли из-за чего стрельба. Несмотря на

военное положение, бандитские разборки на улицах Тулы – обычное дело. Особенно в нашем районе.

Не было у меня никакого предчувствия. И настроение – хорошее. Встретилась в Москве с нужным человеком. Тот согласился помочь с чипами для пропусков. Дело, в общем, пустяковое, но все равно на душе легко. Небо – ясное. Впервые за последнюю неделю. В такое утро не хочется думать о плохом.

Когда я сообразила и повернула назад, было уже поздно. Несколько фигур в штатском преградили дорогу:

– Эй, девка...

Я метнулась в боковой переулок. Там тоже ждали. Сбили с ног, заламывая руки за спину. Надели «браслеты» и облапали, проверяя одежду. Поволокли к здоровенной «душегубке», ожидавшей за углом.

Старик и Локи – уже в машине. Лежат на полу, лицом вниз. Вокруг – целая орава вооруженных полицейских в масках и камуфляже.

«Штатский» достал фотографию. Сравнил со мной и осклабился:

– Загружайте, пассажирку!

Внутри ёкнуло. Это не обычная облава, когда хватают всех подозрительных и неделями мурьжат в фильтрационном лагере. А еще я ощутила взгляд Локи. Безысходная тоска темнела в зрачках, но он нашел силы улыбнуться, когда меня швырнули рядом:

– Наверное, сам Рыжий захотел с нами повидаться...

– Не разговаривать! – заорал СОКовец и наотмашь ударил Локи по лицу. Красная струйка поползла из разбитой губы.

Я изловчилась и впилась «штатскому» в руку. Тот взвыл от боли и отшвырнул меня носком тяжелого башмака. Скривился, вытирая руку платком:

– Тебе это зачтется... сука.

Знаю. И все равно, не жалею.

Где-то в коридоре – шаги. Я приподнялась и села на нарах. Неужели так быстро? Кажется и получаса не прошло...

Сердце стучит, колотится птичкой в клетке... Глупости! Я в состоянии перебороть эту слабость, я не покажу им страх...

Шаги поравнялись с камерой. Потом удалились.

Не за мной...

Все равно, скоро поведут на допрос. Что буду говорить? Конечно, всё отрицать. Прямых улик против меня нет. Даже оружия при себе не было. Только фальшивый пропуск. Но это мелочь. Половина Тулы ходит с такими. Сами же «миротворцы» ими и торгуют.

Где-то на дне души зародилась крохотная надежда. И тут же умерла.

Правильно. Надеяться не стоит. Здесь не Балтийская Конфедерация, хотя бы для внешнего приличия играющая в правосудие. В «охранке» на такие пустяки внимания не обращают...

Я встала, подошла к окошку и сквозь запыленное стекло попыталась разглядеть там, вверху, кусочек неба. Но внутренний двор был совсем крохотный и шестизэтажное здание начисто перекрывало обзор. Единственное, что доступно – едва различимые отражения облаков в зарешеченных окнах.

Пока ходишь на воле, не осознаешь, что это счастье – просто смотреть на небо. Запретное счастье... Еще повезло, что окошко совсем не замазали краской...

...Сначала нас доставили в ближайшее отделение и приковали наручниками в «обезьяннике».

Конечно, там были микрофоны.

Поэтому Локи начал рассказывать о «тараканах» в «Винде-2013».

– ... Программерами у Гейтса работают сержанты-морпехи. Зачем обрывать цикл именно в этом месте?

– Ты не знаешь?

– Нет, Таня...

Глаза оставались серьёзными. Локи понятия не имел, в чём мы прокололись.

А Старик молчал. И это было тяжелее всего.

Выглядел Михалыч плохо. Сидел, будто в забытье, привалившись к стене. Кажется, ему становилось хуже. Повязка поперёк груди, наспех кем-то сделанная, разбухла от крови. И я ничем не могла помочь...

Да и как? Лучшим лекарством было бы оказаться где-то далеко отсюда. Здесь, за этими стенами и решётками, здоровье нам уже не понадобится...

Конечно, я знала, что это может случиться. Но никогда не верила, что это произойдёт с нами...

Офицер в незнакомой форме с голубой «ооновской» нашивкой. Раскрыл чёрную папку. Таращится на Старика. Глаза у «миротворца» – белёсые, бесцветные, пустые. Голос скрипучий, как несмазанная дверь:

– Вы есть Виктор Карпенко. Я есть майор Улафсон. Я имею ордер.

Старик поднимает веки. Равнодушно смотрит.

Офицер хмурится, бормочет по-своему. Исчезает и появляется уже в сопровождении двух солдат с носилками.

Машет бумажкой с печатью:

– Я полномочен заявлять. Вы арестован и предстать Международный Трибунал.

– Какая честь... – бледные губы Старика изгибаются усмешкой.

Ещё три года назад его объявили в розыск. Три года назад отряд ополченцев, под его командой, разгромил американский десант у Ставрополя. Пленных в том бою не брали.

Когда Михалыча укладывают на носилки, он смотрит на нас – совсем спокойно. Он в нас верит.

И еще я понимаю – сдаваться он не собирается.

Четверть часа спустя, меня и Локи ведут к дожидавшейся во дворе спецмашине. И будто холодом обдаёт. Я вижу тела на асфальте. Пять тел, накрытых серыми простынями. Полицейский фотограф откидывает одну. И незрячим, остановившимся взглядом на меня смотрит Ярослав. Запачанная кровью рубаха пробита – след автоматной очереди. Правая рука до сих пор судорожно сжата в кулак.

СОКовцы побывали не только на нашей квартире...

Шаги. Снова шаги. Двое... На этот раз остановились у моей камеры. Лязгнул замок. Ослепительный неоновый свет ворвался внутрь. На фоне дверного проёма фигуры казались черными.

– Гольцова! На выход!

Как будто, кроме меня здесь есть кто-то еще.

Вспыхнула лампочка.

Я поднялась. Неторопливо. И надзиратель, выругавшись, вошел сам:

– Руки давай!

Опять надели «браслеты». Вывели из камеры:

– Вперед!

Несколько «шлюзов». Крутая лестница.

Верхний коридор. Я надеялась хотя бы отсюда увидеть небо. Но окон не было. Лишь пятна свежей побелки на стене. Всё заложили кирпичом, когда переделывали здание.

Еще коридор. Последний «шлюз»:

– Гольцову на допрос к Фатееву!

Снова лязг замка.

Много ли мне известно? Не очень. Вся организация разбита на ячейки. Люди разных ячеек друг друга не знают.

Но там, во дворе, кроме Ярослава, было еще несколько погибших. Не из нашей группы. Значит, предатель в штабе. Среди двух или трех людей, державших все информационные нити.

Самое дрянное из того, что могло случиться.

Единственное, о чем не ведал штаб – физики. С ними встречались только мы с Миха-
лычем. И только мы знали про нуль-генератор.

Прибор, помещавшийся в средних размеров чемоданчик, но способный на многое. Например, с десяти километров превратить в колебания вакуума бронированный «мерсе-
дес». Вместе с теми, кто окажется внутри.

Нам должны были передать опытный образец. Не успели.

Пожалуй, это единственная по настоящему ценная информация, которая мне известна.

Последний десяток шагов. Дверь.

Огромный кабинет. И уже вечернее солнце за решетчатым окном. Мне оно показалось ослепительно ярким.

– Здравствуй! – улыбнулся СОКовец с забинтованной рукой. Тот самый. Теперь – не в штатском, а мундире полковника.

Взял меня за подбородок:

– Ну что, больше не будешь кусаться?

И ударил кулаком в живот.

Радужные блики заплясали перед глазами. Я согнулась, пытаюсь восстановить дыха-
ние.

Он повалил меня на пол и несколько раз «впечатал» тяжелым армейским ботинком.

– Перестаньте, Фатеев!

Пока я хватала ртом воздух, что-то изменилось. Кое-кто еще появился в кабинете и оттянул полковника.

– Не позорьте свой мундир! – в голосе – металлические нотки.

Надо мной склонились, сняли «браслеты» и осторожно похлопали по щекам.

– Вам лучше?

Мне помогли встать и усадили в удобное кресло. Подниматься было больно – теперь-
то, этот гад, точно сломал мне ребро.

Лишь приняв вертикальное положение, я оклемалась достаточно, чтобы разглядеть
«спасителя».

Он в хорошо пошитом сером костюме. Немолод. Лет сорок пять. Но фигура строй-
ная, почти атлетическая. Дубленая, загорелая кожа, короткий ёжик чёрных, как смоль, волос.
Лицо – скорее привлекательное. Взгляд – внимательный, цепкий... Взгляд, в котором чув-
ствуется многолетний опыт.

– Прошу прощения за моего коллегу. Иногда, он бывает грубым.

Фатеев отвернулся, отошел в дальний конец кабинета, извлек пачку «Мальборо.» Брю-
нет хотя и не смотрел в его сторону, среагировал мгновенно:

– Пожалуйста, не курите здесь.

Фатеев что-то пробормотал под нос, но пачку спрятал. Ясно, кто подлинный хозяин в этом кабинете.

Он не спешил. Ждал, пока я окончательно приду в себя. Наконец, посчитал, что я «созрела» и представился:

– Меня зовут Алан. А вас?...

Американец? Надо же, говорит практически без акцента. Конечно, он прекрасно знал, как меня зовут. Но спорить из-за таких мелочей не стоило.

– Татьяна Гольцова.

– Я сожалею, что наше знакомство происходит в не слишком приятной обстановке, – Алан улыбнулся, обнажив ровные белоснежные зубы.

Задумчиво повторил:

– Татьяна. Прекрасное русское имя. Классическое.

Сел в кресло и продекламировал:

– Письмо Татьяны предо мною – его я свято берегу...

Опять улыбнулся, еще более обворожительно. Думаю, он знал, что улыбка ему идет и старался использовать её, как можно, чаще.

– Фатеев, распорядитесь насчет кофе!

Полковник вышел и кофе принесли буквально через минуту. Наверно заранее сварили и лишь слегка подогрели. А булочки выглядели такими аппетитными, что я сразу вспомнила: ничего не ела с самого утра.

– Не стесняйтесь, – сказал Алан и пригубил из чашки, подавая пример, – Кофе довольно хорош. Поверьте, в чем, в чем – а в этом я разбираюсь.

– По-моему, в «МакДональдсах» кофе всегда одинаковый.

Он рассмеялся. Вполне искренне.

– Ну да. Все американцы – примитивные идиоты. Шагу не могут ступить без передвижных сортиров и «МакДональдсов.» А в России по улицам скачут сумасшедшие казаки и бродят белые медведи.

Насчёт медведей – не знаю... Однажды зимой, на улицах разрушенного Курска я едва спаслась от волчьей стаи. Только об этом я говорить Алану не буду. И про то, что чьи именно бомбы сделали Курск таким – тоже. Зачем портить приятную беседу. Лучше выпью кофе.

– Некоторые стереотипы очень живучи, – весело констатировал Алан, – Но культурным людям и в Америке, и в России вполне по силам их преодолевать.

Тут же поправился:

– Преодолеть.

Интересно. Он второй раз сказал «в России». Обычно, американцы добавляют: «бывшей». Или, вообще, стараются не использовать «устарелое название».

Пока я налегала на булочки, Алан смотрел на меня умильным взглядом любящего отца. Где-то после второй чашки кофе, в этом взгляде что-то изменилось. Он начал переходить к делу:

– Знаете, Татьяна, я в трудном положении. Я очень хочу вам помочь. Но не смогу этого сделать, если вы не захотите помочь себе сами.

Ну, конечно. Добрый дядя прогнал злого и теперь рассчитывает на мою откровенность. Господи, как однообразно... Приём описанный в сотнях книжек и фильмов. Неужели, даже в «цэрушных» разведшколах не могут придумать что-нибудь оригинальнее? Или сама ситуация располагает к шаблону?

Будем подыгрывать, ничего не остаётся. Кофе – действительно, хороший, а булочки – и впрямь, замечательные. Когда ещё удастся такие попробовать. Может, вообще, никогда...

Я прожевала и изобразила глуповатую невинность:

– Что вы имеете в виду?

Он сверкнул белоснежными зубами:

– Не пытайтесь казаться менее умной, чем вы есть на самом деле. Вы – способная девушка. Я знаю, вы учились на первом курсе биохимического факультета. Почему бросили учебу?

– Потому что вы разбомбили университет.

Алан качнул головой:

– Мне очень жаль. В любом серьезном деле бывают маленькие оплошности. Я уверен, что университет пострадал по ошибке. И кстати, вы еще так молоды, перед вами открыты перспективы... Почему бы вам не продолжить учёбу за границей? Это можно устроить.

– Мне нравится жить здесь.

– Понимаю ваши чувства. Но нельзя позволять иллюзиям лишать вас будущего. Сейчас Россия – лишь устарелое географическое понятие.

Он торопливо поправился:

– Я имею в виду то трудное положение, в котором оказалась ваша родина. Приобретая квалификацию, опираясь на знания, а не на старые химеры, вы могли бы лучше ей помочь.

Доверительно склонился в мою сторону:

– Поверьте, милая Татьяна, я уже не молод и имею кой-какой опыт. Экстремизм не решает ни одной проблемы. Наоборот, он их создает. И никто сейчас не делает больше для этой страны, чем правительство Гусакова и Международный Совет.

– И Рыжий? – уточнила я, наивно хлопая ресницами.

Это становилось почти забавным. Он, действительно, рассчитывает так запросто меня обработать? Что называется, «промыть мозги» в дружеской беседе. Нет, на дурака не похож. Какой-то козырь у него должен быть. Пока что, он развлекается. «Чешет» по шаблону, не задумываясь, а сам не спускает с меня глаз – будто хочет насквозь увидеть.

Алан засмеялся:

– Я же говорил, некоторые иллюзии трудно преодолевать. Так часто бывает. Великих реформаторов современники не ценят. А потомки – ставят памятники. Анатолий Борисович делает всё, чтобы экономика бывшей России стала эффективной. Многие предыдущие правители любили рассуждать об этом. А он не только говорит, но и делает.

Ну вот. Наконец, прорезалось словечко «бывшая».

Уловив что-то в моем взгляде, американец посерьезнел:

– Да это тяжело. Порой, это больно. Я сам искренне переживаю за великий русский народ. Но это – необходимые временные меры. Через несколько лет вы не узнаете эту страну.

Уже и сейчас не узнаю. Представляю, что будет еще через несколько лет.

– Я давно знаком с Анатолием Борисовичем. У него есть одно качество, уникальное для политика, – продолжал ораторствовать Алан, – Да, он не популист. Но он всегда выполняет обещания. Помните, как быстро удалось навести порядок в Воронеже?

Комната слегка качнулась вокруг меня. Изображать наивность вдруг стало тяжело. Невыносимо...

Воспоминание. Мучительно-яркое...

Огромное, чуть припорошенное снегом поле. Вмерзшие в землю тела – по всему полю... И где-то среди них – трое самых родных и близких... Я искала. Вглядывалась в изуродованные лица. Кровоточащими пальцами разрывала мерзлую землю. Слепла от слез.

Не нашла...

Рыжий выполняет обещания...

– ... Явные позитивные сдвиги, – будто через вату доносился голос Алана, – Население больше не ощущает нехватки продовольствия. С этим нельзя спорить. Это факты...

Да, Тула – сытый город. Почти, как Москва перед войной. Здесь хватает ярких витрин. Сюда не допускают беженцев. Но я знаю, что стоит отъехать километров на триста-четыре-ста...

Лишенные света и тепла, полумертвые города. Убогие деревни... И тощие ребятишки вдоль обочин автомагистралей – каждый раз, когда проходит натовская колонна. Они ждут. Иногда им везёт и миротворцы начинают швыряться монетами.

Однажды я тоже ждала у обочины. Я была старшей в кампании таких же замурзанных существ. Нам не повезло. Самые добрые и щедрые – немцы. А в тот раз, мы нарвались на литовцев. В детей полетел град пустых бутылок. Литовцы хохотали, тренируясь в меткости. Один из мальчиков, лет шести, не сумел увернуться. Упал с разбитой головой.

Я взяла камень и у поворота догнала ту машину. Швырнула булыжник в их рожи... Не промахнулась. И отсиживалась в канаве, пока над головой свистели пули...

– ... конечно, миротворческий контингент сыграл свою роль в борьбе с анархией. Но сейчас обстановка стабилизировалась. И пытаться раскачивать её – безумие.

Я подняла голову:

– Стабильность? Да, на кладбище всегда спокойно...

Глава 2

– Жаль, Татьяна, что у нас не получается разговор, – менее задушевным тоном констатировал Алан, – Наше сотрудничество было бы полезным в первую очередь для вас.

Странно, но в глазах его мелькнуло что-то вроде удовлетворения.

Я вдруг поняла. Он не зря языком молот. И про выдающиеся способности Рыжего. И про остальное... Он знал, обо мне куда больше, чем казалось вначале. И ждал, что я сорвусь. Пусть в мелочи... Как опытный кукловод, дергал за нужные ниточки. Словно, готовил меня для роли в будущей пьесе и хотел узнать, на что эта кукла пригодна.

А я поддалась, как дура. Наивная дура. Или это кофе так действует?

– Что вы понимаете под сотрудничеством? – осторожно уточнила. Может, еще удастся потянуть время.

Американец прищурился и в этот раз обошелся без долгих предисловий:

– Например, мне интересно было бы поговорить о системе «Стилет».

Будто январский ветер пронесся по комнате. Вот оно... Алан наконец-то выложил козырь. Они знают. Михалыч что-то успел сообщить в штаб. Информация дошла до предателя. Значит, шансы уцелеть практически нулевые. Они будут резать меня на куски, пока не вытряхнут всё.

Я улыбнулась, хотя это было нелегко:

– Как вы сказали? «Стилет»? Первый раз слышу...

Алан покачал головой:

– Враньё вам не идет.

Медленно встал, подошел к окну и проговорил, задумчиво глядя на багровеющее закатное солнце:

– Жизнь – суровая штука, Татьяна. Очень печально, что она бывает сурова даже к таким красивым девушкам.

Обернулся и посмотрел на меня с легкой грустью:

– Наверное, думаете, что я собираюсь отдать вас этому мяснику Фатееву? Нет. Он убьет вас еще до того, как получит хоть какую-то информацию.

Алан засунул руки в карманы брюк и прошелся по комнате:

– Существуют более действенные методы. Например, специальные наркотики, развязывающие язык. Признаюсь, тоже не слишком надежное средство. И с массой побочных эффектов. Куда более полную информацию можно получить с помощью... ментосканирования.

Я судорожно сглотнула.

Он приподнял бровь:

– Вам надо объяснять, что это такое?

Да, нет, можно было не объяснять. На Украине такое уже использовали. Но американец все же уточнил, с леденящей дотошностью:

– После двух сеансов ментосканирования – люди теряют рассудок, после четырех – превращаются в растение. Вы хотите умереть героиней, Татьяна? Вы будете жить идиоткой. Пускать слюни и испражняться. Не вызывая ничего, кроме отвращения. А главное, совершенно напрасно, потому что из ментограмм можно узнать практически всё.

Пожал плечами, задал риторический вопрос:

– Неужели вы этого хотите?

Отвернулся. И вдруг произнёс неожиданно мягко:

– Я тоже не хочу.

Снова сел в кресло напротив. Попробовал рукой кофейник:

– Остыл. Заварить для вас свежего?

– Не надо, – голос у меня предательски дрогнул.

– Считаете меня негодяем?... Да, я знаю про Воронеж, про вашу семью... Простите. Не было другого способа вас разговорить.

В глазах его не чувствовалось фальши. А может, у меня не хватало умения её различить.

Он кашлянул:

– Я – не зверь. Я – обычный человек.

Извлек из бумажника фотографию смеющейся темноволосой девицы на фоне двухэтажного дома:

– Моя дочка. У неё русское имя. Настасья. Всего на год старше вас.

Спрятал бумажник. Достал из кармана плоскую коробочку, нажал что-то, положил рядом с собой на столе:

– Теперь нас никто не услышит.

Интересный поворот.

– Мы должны помочь другу-другу. И это не пустые слова «доброго» следователя. Чтобы вы поверили, я кое-что расскажу. То, чего следователи обычно не говорят.

Алан внимательно глянул на меня:

– Вы ведь хотите знать, кто выдал вас... и всю вашу организацию?

Полез в стол и извлек тёмную кожаную папку:

– У «охранки» – обширное досье.

Перелистал несколько страниц:

– Татьяна Гольцова... В 2012-м – год общего режима в петербургском «центrale». За нелегальный переход балтийской границы. Неприятный эпизод – ранен пограничник, один из ваших друзей, Евгений Зимин, погиб... Ладно, это старые дела... Здесь кое-что поновее... Собирала информацию о дислокации миротворческих сил в Туле и окрестностях, способствуя террористическим актам. Новомосковск, Серпухов... Участие в подготовке взрыва магистрального газопровода 16 октября 2014-го...

Имена, даты... И с каждым словом, будто всё ниже опускается потолок и воздух уходит из комнаты.

Им известно много. Слишком... Даже то, о чём не знали и не могли знать в штабе...

Алан прервался, поднял глаза от строчек.

Я застыла с каменной улыбкой на лице. Среди хаоса отрывочных мыслей единственная была чёткой и яркой: «Кто? Кто нас предал?»

Американец захлопнул папку:

– Нет смысла тратить время на перечисление... Конечно, президент Гусаков может вас и помиловать. После ментосканирования вы уже не будете представлять для них ни малейшей угрозы.

Вздыхнул:

– К сожалению, время героев давно ушло. Сейчас – время технологий... Именно, поэтому, Америка – во главе мира. Не потому, что она – самая плохая и всех давит. Просто она создала эти технологии. И человечество идет за ней. Хотим мы этого или нет.

– Вы... Вы обещали рассказать...

– Да, я помню, Таня...

Алан постучал ногтем по кофейнику:

– Это не слишком приятная история. Зато – правдивая... Жил когда-то смелый человек. За свою Родину он сражался в разных концах мира. Но от всех его усилий было мало толку. Враги наступали... И однажды они пришли к нему домой. Разделили Россию и посадили

в президентские кресла марионеток. Конечно, этот человек не мог смириться. Он создал организацию и продолжил борьбу...

– Во всем этом, была только одна маленькая странность. Внешне человек ничуть не изменился. Но он сообщал американцам о каждом своем шаге. И получал деньги. Именно на эти деньги, его организация росла, крепла. Захватывала в свои ряды новых бойцов Сопротивления. И каждый новичок попадал в картотеку... Умные враги, до поры до времени, никого не трогали. Они забросили широкую сеть и однажды в эту сеть должен был попасть богатый улов...

В интонациях Алана – нет торжества. Только легкая грусть и как-будто усталость.

Вот значит, как... Значит, действительно, никто не мог уцелеть.

К горлу подступил комок. Слова выходят бессильные, придушенные:

– И что же вы с ним сделали... с этим человеком? Пытали его ребёнка?

– Татьяна, – укоризненно качнул головой Алан, – Сейчас обходятся без драматических эффектов. Я ведь говорил – время героев ушло. Он предал вас. И он будет жить с этим. Спокойно и без мелодраматизма... А вы, подумайте, что же такое творится с Россией, если сколько-нибудь организованная оппозиция может существовать здесь лишь на американские деньги?

Я прикусила губу. Как хотелось, чтобы он врал!

Неужели, два с лишним года мы были только муравьями, копошившимися под надзором опытных «биологов»? Всё превращалось в ненужную, самоубийственную бессмыслицу.

Я потянулась к чашке, механическим движением... Очень хотелось расплакаться. Было бы куда легче, если бы на меня орали. Грозили... Но мне сочувствовали.

Ради чего? Ради чего мы все погибнем?

Взгляд Алана – серьёзен. И слова его падают, будто гири на чашу весов. Тяжёлые и верные:

– Россия – больна. И она может умереть. Если растратит силы в напрасных судорогах. Я не хочу этого. И вы не хотите.

В глазах его – искренность:

– Сила любой страны – человеческий потенциал. Чтобы страна жила – лучшие должны спастись. Должны спастись вы, Татьяна. Должны жить и работать те молодые люди, встреча с которыми назначена у вас через пять дней... А они погибнут. Если мы с вами им не поможем.

– Какая трогательная забота... И чем же... мы им поможем?

– Для начала – поверьте мне.

– Во что я должна верить?

– В то, что им ничего не грозит. Если я найду их раньше, чем некоторые из моих коллег.

– А не проще было обождать эти пять дней? Вы ведь знали о встрече. Могли проследить... И обошлись бы без моей помощи.

– Вы – умная девушка, – улыбнулся Алан, – Но о многом и не догадываетесь. К сожалению, я – не всемогущ. Приходится учитывать кое-какие факторы. Вы, наверное, привыкли считать американцев единой враждебной силой. Но они – тоже разные.

– Ниггеры, латиносы... кто там ещё?

– Кажется, мне удалось вас заинтересовать. Не скрою, в политических кругах Америки преобладает точка зрения, что Россия – лишь устарелое название. И чем скорее исчезнут с лица Земли её остатки, тем полезнее для цивилизованного мира.

– А вы разве думаете иначе?

– Сильная Российская республика – необходимый элемент мировой стабильности. Уже после перехода Дальнего Востока под японский и китайский контроль, баланс сил нарушился – явно не в нашу пользу... Если Россия окончательно погрузится в хаос, следующее

десятилетие грозит крахом мирового равновесия. И обвалом всей глобальной экономики. Такого кризиса Америка может и не пережить...

– Так вам и надо, – слабо усмехнулась я.

– Если Америка рухнет, Россия от этого не воскреснет, – в его голосе почудился холод, – Даже при огромном желании, к тому времени воскрешать уже будет некого и нечего.

– И много таких умных... как вы?

– Пока мы – в меньшинстве. И, к сожалению, наши возможности влиять на реальную политику – ещё ограничены. Скрытая борьба идет не первый год. В ваших интересах... в интересах России, помочь нам выйти на создателей «Стилета». Это было бы серьезным аргументом.

– А если я скажу «нет»?

– Тогда я не сумею ничего сделать – ни для вас, ни для этих ребят. Несмотря, на всё моё желание.

– Вы заставите их работать на Америку?

– Они же умные люди, Таня. Думаю, они тоже прислушаются к моим доводам. Да, мы воспользуемся их разработками. Но и Россия – тоже. Новая объединённая Россия. Не с лицом генерала Гусакова.

– Гусаков – не главный. Вы знаете...

– На ближайших слушаниях в конгрессе всплывет вопрос об ответственности *всего* тульского правительства за террор против населения. В том числе, за воронежские события. Поверьте, большинство американцев не одобряют такие методы. Я лично передам собранные мной материалы.

– А Рыжий об этой вашей инициативе не догадывается?

Алан скромно прищурился и погрозил пальцем:

– Татьяна, не забывайте. Я – профессионал.

– Какие гарантии, что вы не врете?

– То, что я уже сказал – достаточная гарантия. Такими словами не бросаются.

– Мне надо всё обдумать.

Взгляд его опять стал по-отечески теплым:

– Я на вас не давлю. Хотя время – не наш союзник... Отдыхайте. Утром, поговорим. Как говорят русские, утро – вечера мудренее.

Он проводил меня до двери. И приказал конвоирам не надевать на меня «браслеты».

– Мне кажется, мы поймём друг друга, Таня...

Пока вели в камеру, еще раз «прокрутила» в памяти разговор.

Алан был убедительным. Дьявольски убедительным. И лишь взгляд, последний взгляд Старика, да чувство, будто Алан дергает за невидимые ниточки, еще помогали бороться с искушением...

Соберись, Таня, соберись... Нельзя раскисать. Надо рассуждать логически. Как учил Старик...

Алану нужна не только информация. Ему нужна я.

Почему?

Одного из разработчиков «Стилета» я знаю в лицо. И Михалыч знает.

Но вариант с Карпенко сразу отпадает. Ментосканирование и наркотики к нему не применишь – человека в таком возрасте это убьет. Потому «охранка» и передала Старика Трибуналу – встряхнуть из него что-то ценное уже не надеялись.

А вот моих ментограмм вполне хватает...

Я не верю в доброту «цзэрушников».

Почему бы им меня не «выпотрошить»? Отследить «клиента» и выйти на лабораторию...

Нет. Слишком рискованно.

В течении трёх лет президентства Гусакова физикам удавалось прятать «Стилет». Они – осторожные. Почуввав опасность, могут уничтожить и прибор, и всю документацию.

Алану надо, чтоб они ничего не заподозрили. Чтоб сами были целыми и невредимыми...

Логика железная.

Но кое-что нелогично. Зачем было устраивать операцию против Подполья? Лишний риск, лишняя вероятность спугнуть физиков... Всего пять дней выждать – и бери нас тёпленькими. Вместе с лабораторией.

Единственное объяснение – наши назначили Главную Акцию на ближайшее время. Без всяких нуль-генераторов, обычными средствами. И у кого-то из СОКовского начальства не выдержали нервы.

Американцы исправляют ошибки тульских подельников?

Да, без меня им никак не обойтись.

И Алан не сомневается в успехе. Это читалось в его глазах. Это кольнуло меня в конце разговора.

В такой ситуации люди цепляются даже за призрачную надежду... Он знал, что по другому не будет. Он уже написал для меня роль в своей пьесе.

Типично американская слабость. Самоуверенность.

Я улыбнулась, представив *какое* у него будет лицо. Нет, Алан, выход у меня есть... И не тот, который ты заботливо для меня приготовил.

Я – спокойна. Нет уже не страха, ни отчаяния – всё перегорело. Лишь пустота... Черная пустота внутри.

Не думала, что буду так спокойна...

Они прощупали, просветили на специальных стендах каждый клочок моей одежды и обуви. Обыскали каждый миллиметр моего тела. Забрали ремень, вытащили шнурки из кроссовок. Даже сделали укол – кажется, вакцина против чего-то. Они очень беспокоятся о моем здоровье. Стекло в камере – бронированное. Нары прочные, намертво привинченные к полу. И за мной постоянно следят через видеоглазок.

Но всё, что нужно – смочить слюной и отковырнуть кончик ногтя. На правом безымянном пальце. Фальшивый ноготь, поверх настоящего. Пластика очень тонкого, упругого биопластика с очень острым краем.

Им можно разрезать веревку, которой тебя связали. А можно перерезать вены. Лёжа на боку, отвернувшись от видеокамеры. Кровь будет стекать, впитываясь в куртку и тюфяк. Её вытечет много, очень много... Прежде, чем они спохватятся...

Я не подведу тебя, Старик.

Вот и пришли. Как быстро...

Когда распахнулась дверь камеры, и яркий свет из коридора проник внутрь, сначала показалось, будто в углу комок тряпья. Но комок чуть шевельнулся и я сообразила, что это человек.

– Пошла! – толкнул в спину надзиратель. Лязгнул замок. Я спрыгнула со ступенек и замерла. Человек больше не двигался.

Тогда я подошла ближе и склонилась над ним. Как раз в этот момент, тусклая лампочка под потолком вспыхнула ярче. И я увидела, что на незнакомце живого места нет: через прорехи в изодранной одежде – страшные открытые раны, ожоги...

Этого несчастного бросили сюда, чтобы сделать меня поговорчивей.

Я прикусил губу в бессильной ненависти. Вряд ли сам Фатеев такой инициативный. Небось, прямое указание вежливого американского шефа. Подонки!

Что я могу сделать для этого бедняги? Ничего. И целую ночь он будет корчиться в агонии рядом со мной. Назидательный урок для девчонки.

– Вы... Вы слышите меня? – тихонько спросила, еще ниже склоняясь над незнакомцем. И вдруг показалось: он улыбнулся. А потом поняла – не показалось. Я испуганно отпрянула.

Они посадили ко мне сумасшедшего.

Незнакомец повернул голову. Обнаружилось, что взгляд, направленный на меня, вполне осмыслен.

– Здравствуй.

– Привет, – машинально отозвалась я. Как будто мы не в камере, а на лавочке, в парке. Чуть было не спросила: «Как себя чувствуешь?» И мелькнула мысль – а если все эти раны сплошная бутафория? И незнакомец – обычная «наседка» Фатеева?

– Не надо бояться, – прошептал он.

Нет, на «наседку» не похож. Какой странный взгляд...

– Тебе больно? – не выдержала я.

– Да, – чуть кивнул, – Сломанная рука... Пара рёбер... Ожоги, резанные раны... Внутренние повреждения...

Голос был спокойный.

Я взглянула на его запёкшиеся, треснутые губы:

– Принести воды?

– Спасибо... Не повредит.

Никакой посуды, естественно, не было. Стащила с себя куртку и подставила под струю. Торопливо донесла до раненого. Он успел сделать несколько глотков, прежде чем вода проочилась на пол.

– Спасибо, – опять поблагодарил, – Теперь будет легче.

– Как тебя звать?

– Николай.

Сколько ему лет? Трудно определить возраст, когда лицо – сплошные ссадины и синяки.

– Здорово ты их разозлил...

– Пожалуй, – согласился Николай, – И сказал-то – пустяк... Объяснил Фатееву, кто он такой.

– Похоже, ему было неприятно, – качнула я головой, не зная плакать или смеяться.

– Кто-то же должен сказать ему...

– Ты серьезно?

– Всякий человек имеет право на истину о себе.

– А если, этот... давно не человек?

– И это тоже истина.

Надо же, какой блаженный.

– Стоит ли за такое умирать?

– Всякая правда не даётся легко. Только ложь – ничего стоит, – изуродованное его лицо снова осветилось улыбкой. Доброй и бесхитростной.

Удивительное безумие...

– Ты слишком рано хочешь уйти, – вдруг произнёс, не спуская с меня пристальных зрачков.

Я напряглась. Если здесь есть видеокамера, микрофон тоже должен быть.

– Они ничего не услышат, – успокоил Николай, – И не увидят. Ничего, кроме того, что им *положено* слышать и видеть.

Ну да. Всё начинает проясняться. Похоже, Алан считает меня дурочкой, если думает, что я куплюсь на такую чепуху.

– Сомневаешься, – понимающе вздохнул блаженный.

Приподнялся и сел на полу. Махнул искалеченной рукой:

– Гляди.

«Придурак,» – подумала я, отступая к противоположной стене, но тут же замерла. Потому, что его раны начали быстро затягиваться. Без шрамов, без следов. Даже черная запекшаяся кровь будто впитывалась в кожу.

Раньше такое я видела лишь в кино. Но теперь это были не спецэффекты. Страшное обезображенное лицо разглаживалось. Сквозь растворяющиеся гематомы, сквозь исчезающие ссадины проступали правильные черты.

Может это я сошла с ума?

Или американец, всё таки, чего-то добавлял в кофе?

– Не бойся, – сказал Николай, – Они хотят, чтобы ты боялась.

Прищурился, всматриваясь куда-то сквозь меня.

Сломанное ребро заныло и вдруг отпустило. Внутри осталось лёгкое покалывание и тепло...

– Спасибо, – выдавила я.

– Не за что...

Я села на тюремный матрац. Будто ноги перестали держать. Закрыла глаза.

«Не может быть... Этого не может быть.»

Что со мной?

– Загляни в себя, Таня...

Я вздрогнула и на щеках у меня выступили слезы. Наверно, я слишком долго сдерживалась. А боль... Все эти годы, она никуда не уходила. Черными камнями застывала, падала на дно души. Но не исчезала. Иногда эти камни давили так сильно, что перехватывало дыхание. Родители, брат, Женька... Неподвижные тела на снежном поле...

– Никто не гибнет... – где-то рядом звучал голос.

Черные камни плавились и выходили горячими слезами.

– Никто...

Мне, действительно, хотелось этого. Чтобы не было мёртвых городов. Серых «соковских» мундиров, огромных котлованов с телами расстрелянных... Только щедрое летнее солнце, только голубое, без угрозы, небо над головой. Добрые люди на светлых улицах, надежда и любовь в сердце...

Единственное, чего я не могла забыть – белозубой ухмылки Алана по ту сторону солнечного миража.

– Николай... Те, кто мне доверился – в опасности. У меня нет выхода...

– Не думай о смерти. Думай о жизни.

– Ты... Ты выведешь меня отсюда?

Он смеётся, почти беззвучно:

– Нет. Ты сама... Найди свой путь, Таня...

Призрачным маревом плывёт камера и бесследно растворяется...

Я медленно лечу над лесом, над спокойной гладью реки. Я понимаю, что это лишь сон, но всё так ясно... Такими настоящими кажутся отражения облаков на воде, тускнеющая голубизна вечернего неба, маленькая церквушка на берегу и рядом с ней – обыденно прозаичная копна сена. Чудится, будто стоит немного напрячься и всплывет, ярким воспоминанием детства, запах свежескошенной травы...

Нет, никогда прежде я не видела ни этой реки, ни этой церкви. А почему-то на душе легко. Словно, наконец-то, после долгих скитаний я вернулась в родные места. Рдеющая

закатным солнцем маковка храма несёт надежду, будто свет в окошке, за которым тебя ждут. Но что это за надежда, и кто меня ждет – я не знаю. Просто мне очень хорошо. Впервые за три с лишним года.

– Будет трудно, – слышится где-то рядом голос Николая, – Но у тебя хватит сил...

А потом наступает пробуждение. Снова в камере, снова на жестком тюремном тюфяке. Лязгают запоры и входят двое надзирателей. Нет, не за мной. Они принесли чёрный пакет на молнии. Чтобы упаковать в него мертвое тело, застывшее в углу. Неузнаваемо изувеченное тело человека, умершего от ран этой ночью.

Эх, Николай... Как спокойно ты говорил о смерти...

Глава 3

Через полчаса меня привели в кабинет Алана.

Взгляд у него был внимательный, с лёгким оттенком беспокойства:

– Доброе утро, Татьяна. Присаживайтесь.

– Не слишком доброе.

Алан вздохнул:

– Понимаю. Вы провели нелегкую ночь. Честное слово, я не знал.

С досадой развел руками:

– Нельзя всё контролировать. Даже в этих стенах. Поверьте, это не мои методы. Оставлять вас на ночь в камере было ошибкой. Простите.

Может, он и не врал. Он бы, действительно, придумал что-то более утонченное.

– Идиоты! Мясники! Я разберусь, чья эта инициатива и больше такого не повторится.

Нервно прошелся по кабинету, потом окинул меня заботливым взглядом:

– Неважно выглядите. Надо показать вас врачу.

Он и в самом деле отвел меня к врачу. Точнее, к врачам. И не думала, что здесь у них такое количество аппаратуры, включая новейшие трехмерные томографы, электронные микроскопы и еще много чего разного, неизвестного назначения. Целый медицинский институт в миниатюре.

Сначала мне разрешили принять душ. Потом взяли кучу анализов, просветили на томографе. И сделали пару уколов.

– Витамины, – пояснил сопровождавший меня Алан.

Привели в комнату без окон, с люющим с потолка мягким зеленоватым светом. Здесь слегка пахло озоном и сосновым лесом. Посреди комнаты стояло что-то вроде прозрачного саркофага.

– Это не больно, – улыбнулся Алан, заметив опаску в моих глазах, – Я вас оставлю на полчаса. А вы раздевайтесь, залезайте внутрь. Ионизированный воздух со специальными добавками. Прекрасно восстанавливает силы. Можете даже подремать.

Возражать я не стала. Если бы Алан захотел, всё бы произошло и без моего согласия. Пусть лучше думает, что я во всем готова следовать его указаниям.

На аппаратуру для ментосканирования сооружение не походило. Что-то среднее между солярием и кислородной камерой – вроде тех, в которых сутками торчит одряхлевший Майкл Джексон.

Я разделась и забралась в «саркофаг». Если Алану надо, чтобы я выглядела и чувствовала себя хорошо – в этом наши интересы совпадают.

Врач задвинул надо мной крышку. Комната опустела. И хотя не верилось, что мне удастся, я действительно задремала...

Когда открыла глаза, надо мной стоял американец:

– Полный порядок, Таня. Анализы хорошие.

Радует, будто он мой лечащий врач.

– Одевайтесь. Идем завтракать.

Завтракали мы не в его кабинете, а в нормальной, почти уютной комнате. Если не считать решеток на окнах.

Я с аппетитом принялась за еду. Сегодня чувствовала себя куда лучше. Может потому, что выпалась ночью. И всё воспринималось по-другому... Кем ты был, Николай? Талантливый гипнотизёр?... Спасибо тебе. Сон, который ты наваял, был крепким и приятным...

Больше они не выдавят из меня и слезинки. И то, что вчера я собиралась перерезать вены – казалось нелепой детской слабостью.

– Не хотите еще бифштекса? Вам надо быть в хорошей форме, – сказал Алан, – Дело в том, что планы пришлось изменить. Мы связались с разработчиками «Стилета». Встреча через пять часов. В известном вам месте.

Вот как... Они знают, по-крайней мере, один из нет-форумов, через которые мы устанавливали контакт, знают пароли и позывные. И сумели перенести встречу на три дня раньше.

Видимо, слишком масштабной была операция СОКа. И слишком неуклюжей. Скоро информация о нашем провале просочится и обязательно дойдет до физиков. Поэтому американец так спешит. Я нужна ему прямо сейчас, работоспособной и свеженькой, как огурчик. У него нет лишних дней, чтобы устраивать проверки. Алан уверен, что достаточно меня «обработал».

Вот он, мой шанс! Единственный. На который я даже не смела надеяться...

Мы вылетели из Тулы вертолетом. Скоро на горизонте появились сероватые многоэтажки окраин бывшей столицы. Дома здесь сохранились лучше. Кое-где даже поблёскивали остатки стекла в оконных проёмах.

Чуть погодя, начался характерный московский пейзаж и мне захотелось закрыть глаза...

Раньше я не видела *это* с высоты.

Бомбёжки и голод выгнали из столицы большую часть жителей. Остальное довершили пожары. Дома без людей долго не живут. Тянувшиеся под нами во все стороны, почернелые, полуразвалившиеся остовы напоминали громадное неухоженное кладбище.

Даже сейчас, при ярком солнечном свете, Москва выглядела мрачновато. А ночью здесь по-настоящему жутко. В кой-какие места и полицаи не рискуют соваться после заката.

Тяжело выжить в городе-призраке. Но прятаться легче. Это не Тула, где на каждой улице нарвешься на патруль.

На всём огромном пространстве Москвы – врядли наберется три миллиона человек. Из них около двухсот тысяч – нелегалы и «полулегалы», обитающие в подвалах или сохранившихся бетонных коробках...

Кое-какие знакомые в московских Развалинах у меня есть. Если еще живы – помогут.

Я наклонила голову, вглядываясь через прозрачный колпак кабины. Внизу – Красная площадь. Флаг развевался над «МакДональдсом». Остатки бронзовых Минина и Пожарского уже успели демонтировать. На их месте возвышался пятиметровый уродец – памятник академику Сахарову работы Шемякина.

Площадь была чужой, как и всё остальное.

Миновав Садовое кольцо, вертолет приземлился на расчищенный от руин участок. Поблизости ждал автомобиль. Старенький ВАЗ-«девятка».

– Сколько – со мной? – уточнила я у американца.

– Кроме меня – еще один. Ждёт в машине.

Понятно. Ожидается такой богатый улов, что Алан никому другому не доверил забрасывать невод. Будет сложнее для меня. Но, пожалуй, куда приятнее.

И всё таки, странно. Он готов идти на личный риск. Он во мне ничуть не сомневается. Это точно. Но в чем дело, в моих актерских способностях? Или у американца опять припасен неизвестный козырь?

Мы сели в автомобиль, на заднее сиденье. Вертолет тотчас взмыл.

ВАЗ рванул с места.

Пока ехали, я успела присмотреться к водителю. Бритый, плотный затылок, короткая шея, выраставшая из широченных плеч – стандартная внешность человека, зарабатывающего на жизнь мускулами. Но взгляд, иногда мелькавший в зеркале заднего обзора – цепкий, умный. Пожалуй, водитель не уступит Алану. А в чем-то может и опасней. Хотя бы тем, что, в отличие от Алана, он не считает меня своей маленькой победой.

Минут через пятнадцать, предварительно намотав круги по городу, «девятка» остановилась у метро «Площадь Суворова».

Улица и площадь – пустыньны. Нежилой район. Кругом – сплошные развалины и брошенные дома с черными глазницами окон. Ярким пятном выделялся только новенький громадный плакат «МЫ ВЫБИРАЕМ СВОБОДУ!» – счастливая мамаша, обнимающая румяного упитанного ребёнка. Раньше я видела эту же мамашу на рекламе «памперсов». Наверное, оба плаката – продукция одного агентства.

Несколько хмурых оборванных личностей показались из развалин. Я поежилась: такие знакомые взгляды. Взгляды голодных шакалов. Нет, это не «переодетые». Скорее уж – коренные москвичи. За буханку хлеба зарежут и не поморщатся. Впрочем, мы им – не по зубам. Наш водитель глянул сурово и хмурых личностей, как ветром сдуло.

Метро не работает еще с бомбежек. Стеклопакеты выбиты. Вместо них приварены грубые решетчатые ворота, запертые на висячий замок. Жестяная табличка – белый фон, красные буквы, на английском и русском: «DANGER! MINES! ОСТОРОЖНО! МИНЫ!» У всех уцелевших входов в метро сейчас такие таблички. Правительство Гусакова не может контролировать подземные коммуникации. И потому предпочитает их минировать. Хотя, иногда не очень аккуратно. Опытный человек может и пройти.

Здесь СОКовские сапёры проход наверняка очистили. Я потрогала замок. Кто-то щедро его смазал. Если люди Алана уже внутри, они аккуратно закрыли ворота за собой.

Американец в легкой растерянности чесал висок. Коллеги забыли оставить ему ключ? Я усмехнулась, пошарила в грудке мусора и обнаружила длинный ржавый гвоздь. Небольшое усилие и замок безвольно повис на освободившейся дужке.

– А вы – мастерица! – одобрительно расплылся Алан. Тут до меня дошло, что он и сам бы без труда справился. Просто, захотел увидеть, что буду делать я.

Ну и пускай видит. Делов-то. Я научилась открывать такие замки, еще когда бомжевала. До нашей встречи с Михалычем.

Щемящее чувство колыхнулось внутри. Старик... Где ты? Что сейчас с тобой?

Перед тем, как шагнуть за ворота, опять посмотрела на яркий плакат. И вздрогнула. Померещилось, будто румяный младенец зыркнул на меня чужим взрослым взглядом. Внимательным и изучающим.

Нервы. Наверное, нервы...

Внизу ждала темнота. Поэтому одели «ночные глаза», синтезирующие цифровую картинку на основе всех диапазонов, включая инфракрасный и ультрафиолет. Видно не так, как при дневном свете. И всё же, безошибочно различаются даже мелкие детали.

Я не зря выбрала эту станцию. Отсюда есть переходы еще на две линии. Даже если они заранее перекрыли всё вокруг – шансов уйти больше. Уйти-то можно не только через туннели метро. Под Москвой, едва ли не со сталинских времен, сохранилась целая сеть ком-

муникаций. Планов её нет ни у СОКа, ни у американцев. А после того, как однажды исчезла спецгруппа из шестнадцати человек, они вообще боятся туда лезть...

Мертвый эскалатор остался позади. Мы двигались размеренным шагом.

Пока, что Алан ничего не заподозрил. Идёт чуть правее и позади меня. Его напарник – впереди, не сводя глаз с наваленной поперек платформы груды металлолома. Оружия они не доставали – вероятно, боялись спугнуть физиков.

Я оказалась ближе к краю платформы и первая увидела мертвого полиция. Он лежал на рельсах, нелепо подогнув ноги и сжимая левой рукой цевьё «калашникова». Совсем «свежий» – я не чувствовала запаха разложения. Но откуда? Его не могло быть здесь! СОКовцы наверняка заранее прочесывали станцию!

Может кто-то сумел уже после проверки?

Долго колебаться я не стала. Прыгнула на рельсы и вырвала из закованной руки автомат. Передернула затвор и, крутнувшись на спину, послала длинную очередь вдоль края платформы.

Не промазала...

А они ничего не успели: ни пригнуться, ни достать пистолеты. Лишь осели неуклюжими мешками.

Я вскарабкалась наверх. Оба – неподвижны. По гранитным плитам расползались темные лужи. Не спуская тела с прицела, я подошла ближе. И задрожала, едва не выронив «калашников». На платформе лежали отец и младший брат.

Но это же невозможно! Я хорошо знаю!

Отец приоткрыл веки, слабо позвал:

– Таня...

И, отбросив оружие, я рухнула рядом на колени:

– Папа! Папочка...

Его пробитая рубашка быстро темнела от крови. Та самая светлая, немного вылинявшая рубашка, в которой я его видела последний раз.

– Что ты наделала, дочка...

– Прости, прости меня, папа, – бормотала я, захлёбываясь слезами, срывая с себя куртку и подкладывая ему под голову.

А потом я поняла, что мы уже не в метро. Низкое ноябрьское небо сеялось мелким дождем над окраиной Воронежа. Вон там, в дымке, темнеют городские дома, а здесь уже поле. Огромное поле. Вечер.

Столько раз я видела это в снах...

Люди, много людей, идут через поле, тяжело передвигая ноги с налипшими комьями грязи. Сзади остались подкупленные полицаи. Скоро опустится тьма, а до леса уже не так далеко. Они смогут уйти.

Откуда-то из вечернего сумрака вырастает цепочка серых фигур. Совсем редкая. Но в руках у них – автоматы.

А у меня нет оружия. Где-то там, на станции «Площадь Суворова», остался мой АКМ. «Серых» не остановить. И все равно я бегу в сторону цепочки, проваливаясь в грязь, задыхаясь от страха и ненависти и нелепо размахивая кулаками.

Я почти успеваю добежать до автоматчиков, когда промозглый сумрак взрывается вспышками и грохотом выстрелов. Очередь ударила в грудь. Меня убили. Но я не падаю. Я вижу, как падают другие. «Серые» медленно продвигаются вперед и оружие в их руках вздрагивает, как живое. Я знаю: в поле никто не уцелеет. Тех, кто пытается еще бежать, догонят пули...

Ближайший ко мне автоматчик поворачивается, чтобы добить раненую женщину. И цепenea от ужаса, я вижу его лицо. Михалыч.

– Не смей! – сердце безумным мячиком колотится внутри.

Старик не обращает внимания. А ко мне идёт мёртвый Ярослав. «Калашников» в его руках направлен в мою сторону. Взгляд – остановившийся, незрячий. Ярослав улыбается.

Его автомат грохочет, выплевывая огонь. Удар. Боль. Земля опрокидывается. Небо тускнеет, гаснет...

Темнота. В этой темноте – голос отца:

– Помоги мне, Таня...

Сердце успокаивается. Мне лучше. Мне почти хорошо. Странно, как я раньше не понимала, что они так похожи – Алан и мой отец. Я должна помочь им. Я помогу им...

Голос отца всё звучит. Уже не снаружи, а где-то внутри меня. И от этого на душе становится легко и ясно. Теперь я знаю, что Алан говорил мне правду. Чистую правду. Он желает нам добра. Только добра. Я помогу ему. Я сделаю всё, что он скажет...

Запах озона и сосновой хвои. Зеленоватый свет, пробивающийся сквозь полузакрытые веки.

– Very well, – донёсся удовлетворенный голос Алана, – She will be o'key.

Я действительно спала... Кажется, мне приснился сон. Не помню какой...

Открыла глаза. Верхняя часть прозрачного саркофага, в котором я лежала, была отодвинута. Американец заботливо склонился надо мной:

– Ты в порядке, девочка?

– Да.

– Тогда, идём завтракать.

У него – доброе и приятное лицо...

Завтракали мы в нормальной, вполне уютной комнате. Решетки на окнах выглядели здесь не более, чем декоративной деталью.

Я сама удивлялась своему аппетиту. Сегодня чувствовала себя куда лучше. И то, что вчера собиралась перерезать себе вены – казалось, нелепой детской слабостью. Даже странно, как я могла не верить Алану...

Глава 4

День выдался ветреный. Пушистые, белые острова удивительно легко ползли над Москвой, сталкивались и рассыпались. А непотопляемое солнце, вынырнув из-за очередного небесного айсберга, каждый раз до отказа заливало город светом и теплом.

Мы сели в черную ВАЗ-«девятку», на заднее сиденье. И автомобиль, и сидевший за рулём Фёдор, плотный крепыш, показались мне смутно знакомыми. Вроде того наваждения, когда посреди чужого города тебе мерещится что-то давнее, забытое – в очертаниях улиц, в лицах прохожих...

Всё таки, я немного волнуюсь. Это пройдёт...

Нет-кафе «ГЛУБИНА» находится в удобном месте – у самой границы города и Развалин. На машине сюда можно добраться с единственной стороны, слегка попетляв предварительно между завалами.

Конечно, владельцы кафе выбрали это место не случайно. Если полицаи захотят устроить облаву, быстро доехать до «ГЛУБИНЫ» им будет нелегко. А значит, никакой внезапности не получится. Даже, если захотят оцепить целый квартал – толку будет мало. Местные псы, прикормленные посетителями и владельцами кафе, за версту чуют «мусоров» и поднимают такой лай, что вся округа знает – готовится облава. Те, кто не желают общаться с полицией, легко успеют уйти в Развалины.

Впрочем, облавы здесь бывают не часто. Наверное, поэтому «Дьяболо» назначал встречи именно в «ГЛУБИНЕ».

Местную стоянку охраняли двое крепких парней в бронежилетах и шлемах, вооружённые АКМС-ами. Сам вход в кафе – забаррикадирован железобетонными блоками. Мы припарковались рядом. У не слишком широкого промежутка, остававшегося для посетителей, дежурил ещё один охранник. Почти такой же массивный, как загораживавшие фасад блоки. И с «железобетонным» выражением на квадратном лице.

Охранник – богато экипирован. С громадного кулака на нейлоновом шнурке свисал «шокер». В кобуре, надетой прямо поверх бронежилета, имелось нечто внушительное, кажется «стечкин». На поясе болталось две слезоточивых гранаты.

В Москве, всё это – обычная предосторожность. Особенно, в этом районе. В прошлый раз, когда я была в «ГЛУБИНЕ», другому охраннику, Вахтангу, пришлось истратить полобоймы, отгоняя бродячих псов. Один посетитель имел неосторожность явиться с бульдогом и местная свора едва не разорвала собаку вместе с хозяином еще на подходе к кафе.

Да и люди бывают не лучше. В этом году «живодёры» совсем обнаглели. Это раньше они работали, в основном, по трущобам. Но доходяги – дешёвый товар. В «ГЛУБИНЕ», публика относительно здоровая и сытая. Тем хуже для неё. Никто так не ценит чужое здоровье, как охотники за органами.

– Привет, – кивнула я массивному «швейцару» у входа. Вахтанга и двух его помощников я знала хорошо, а этого видела в первый раз.

Здоровяк проигнорировал мои попытки быть вежливой. Сквозь встроенный в шлем сканнер он изучал наши фигуры. Наконец, чуть отступил и любезно указал на выскользнувший из стены поддон:

– Пожалуйста, сдайте оружие.

Алан и Фёдор выложили «беретту» и «макаров». Поддон исчез в стене, вместе с оружием. Из специальной щели на ладонь Алана упали пластиковые номерки.

Вежливым, но не терпящим возражения тоном, охранник изрёк:

– Пожалуйста, повернитесь.

Мы выполнили.

Спрятанное под одеждой «железо» хорошо видно через сканнер. Эта штукавина – американская новинка и стоит кучу баксов. Даже полиция ещё таких не имеет. Хотя, по словам, Чингиза, одного их владельцев кафе – шлем достался «ГЛУБИНЕ» совершенно бесплатно. Пару месяцев назад подарил заезжий иностранец. Вероятно, какой-нибудь штатовский богач, соблазненный «russian» экзотикой.

– Добро пожаловать, – сказал охранник и бронированные двери отъехали в сторону.

Один за другим мы шагнули внутрь, благополучно миновав еще одну проверку, о которой многие посетители не догадываются. В дверной проём встроены весьма чувствительные датчики «жучков». Я заранее предупредила об этом Алана.

Мы прошли к бару, напротив которого на огромном стереоэкране шла трансляция ралли Лондон-Дакар. Посетителей пока немного. Настоящая жизнь, здесь, как и в большинстве нет-кафе, начиналась после шести вечера.

– Довольно уютно, – заметил американец, – В Москве тоже бывают приятные места.

Странно, но даже тот, почти не различимый, акцент, который у него был – исчез бесследно. Сейчас Алан напоминал скорее тульского бизнесмена средней руки. Любителя экстремальных развлечений, решившего «оттянуться» по московским притонам. Хмурый, молчаливый Фёдор вполне сошел бы за телохранителя, я – в своём стильном наряде и вызывающем макияже – за подружку тульского бизнесмена.

Впрочем, как раз «ГЛУБИНУ» назвать притоном трудно. И Алан только внешне казался расслабленным. В его прищуренных глазах, то и дело, проскальзывало холодноватое внимание.

Пока, всё спокойно. Какой-то расхристаный субъект в дорогом пиджаке из змеиной кожи, медленно пил текилу, не замечая никого вокруг. Компания накрашенных девиц, оживившихся при появлении Алана, скользнула по мне неприязненными взглядами и утратила к нам всякий интерес.

Американец сунул кредитку в нишу на стойке и заказал безалкогольный коктейль. Его напарник сделал вид, что увлечен трансляцией ралли.

Я подошла к терминалу админа. С монитора на меня уставился Колян – виртуальный паренёк в спортивных трусах, «бабочке» и шляпе набекрень. Дурашливое дитя компьютерной графики и местных программистов:

– У нас заказан отдельный «рум», – сказала я и набрала «пассворд».

– Сей момент! – подмигнул Колян. И в порядке музыкальной интермедии сплясал чечетку на нарисованном столе. Потом, так и не слезая со стола, поклонился и объявил:

– Пожалуйста, пройдите в «намбер фор».

– Спасибо, Колян.

– Всегда к вашим услугам... Таня! – расплылся паренек. Я вздрогнула – откуда он знает моё имя? Неужели, я настолько примелькалась в «ГЛУБИНЕ»? Но ведь «Колян» – всего лишь программка, не особо умная к тому же. Он не умеет различать посетителей...

Додумать я не успела.

Колян послал мне воздушный поцелуй. Дверь в дальнем конце зала распахнулась. Американец дружески кивнул бармену и взял меня под руку. Впрочем, не забыл захватить и пластиковый стакан с коктейлем.

Мы оказались в овальном по форме вестибюльчике. Слева и справа – металлические двери. Над каждой, кроме той, что вела в служебные помещения, светила бледно-оранжевая цифра. Лишь «четверка» горела призывным ярко-зеленым.

Мы вошли. Внутри ждал столик со стандартным, незамысловатым ассортиментом: шесть бутылок пива, гора бутербродов, зелень и фрукты. Это ведь не ресторан. Главное здесь

– не еда. Главное – по углам комнаты: три обычных вирт-терминала и три «сферы» полного «погружения».

Мы заперли дверь изнутри. Теперь, пока не кончится оплаченное время, никто не сможет войти сюда без нашего допуска. Разве что, если начнется пожар и сработает система пожаротушения.

Я сделала большой глоток пива и направилась к терминалам. Разумеется, надевать полный костюм и залазить в «сферу» не стала, ограничилась перчатками и шлемом. Подождала, пока тонкая сеточка биосенсоров внутри шлема мягко обляжет кожу лица. Поморгала, чтобы глаза быстрее адаптировались к стереокартинке...

В розовой тьме заставки туда-сюда бесцельно плавало множество разноцветных рыбок. А совсем рядом висела клавиатура.

Я выбрала опцию в меню и нажала «ENTER».

Тьма взорвалась тысячами красок. Теперь я – на открытой веранде у берега теплого спокойного океана. Лицо обдувал лёгкий, приятный бриз. Морской запах – совсем настоящий. В «ГЛУБИНЕ» – аппаратура корейская, но ароматические синтезаторы у них не хуже, чем у «белой сборки».

Я шагнула к краю террасы. На самом-то деле, конечно, я продолжала сидеть в кресле перед терминалом, но встроенные в шлем и перчатки идеомоторные датчики зафиксировали слабые электрические импульсы, чуть уловимые подрагивания мышц и нарисованное тело покорилося моему едва наметившемуся желанию. У новичков это выходит не сразу. Именно поэтому они предпочитают «сферы» даже для кратковременного «погружения».

Я завертела головой. Ни души. Только ветерок шевелит листья пальм, да где-то у дальнего мыса белеет одинокий парус. Всё правильно. Так и должно быть. Ведь это отдельное «пространство» четвертой комнаты. Мы за него заплатили и доступ других пользователей сюда невозможен.

А здесь хорошо. Раньше я не видела этого места. Интересно, где всё снималось? Где-нибудь в Полинезии?

«Бухта Уамоту» – прочла я на экране монитора, стоявшего в тени пальм. Со времени моего последнего визита, выбор «спэйса» в кафе обогатился. Среди прочего, появилась даже «Красная площадь». Наверное, опция, рассчитанная, в основном, на иностранцев. В «ГЛУБИНЕ» их бывает немало.

– Внимание! – донесся бархатистый женский голосок, – Пользователь «Дьяболо» просит доступа в ваше пространство.

Наконец-то!

– Доступ разрешить.

– Исполняю!

Я снова осмотрелась по сторонам. Прошла секунда, другая... Но ничего не изменилось. Где же он? Что за шутки...

– Здравствуй, Фродо! – знакомые иронические интонации.

Фродо – это один из моих псевдонимов в сети.

Где же ты прячешься, Дьяболо?

В «виртуале» отыскать собеседника по голосу труднее. Особенно, если он сам этого не слишком хочет...

Наконец, я заметила. Вечернее нежаркое солнце уже начало клониться к закату. Сверкающая дорожка пролегла на океанской глади. И по этой дорожке не спеша двигалась крохотная фигурка.

– Здравствуй, Дьяболо. Вижу тебя.

Легкий смешок в ответ. Всегда он такой. Лет на пять старше меня, но все ухватки двенадцатилетнего сорванца. Или правду говорят, что настоящие ученые похожи на детей?

- Как море, Дьяболо? Теплое сегодня?
- Залазь, искупаемся! – с готовностью предлагает Дьяболо.
- Нет времени.
- Что ж, тогда не будем его тратить, – соглашается он и вдруг оказывается на берегу,

рядом с террасой.

Сразу видно, что в «ГЛУБИНЕ» он бывает частенько. Обзавелся собственным телом, не входящим в стандартный набор «виртуала». Голова молодого Эйнштейна на гипертрофированно мускулистом торсе киногероя. Из одежды на нём – легкие полотняные брюки, слегка намоченные внизу.

- Прекрасно выглядишь, – ухмыляется Дьяболо.

У меня тело стандартное. И по-моему... мужское. Ну да, забыла указать, а компьютер выставил по-умолчанию.

Не имеет значения. Я ведь не собираюсь, здесь задерживаться. Серьезный разговор невозможен, когда вместо глаз собеседника – пусть и очень хорошо, но всё же нарисованная физиономия.

- Мы тебя ждем, Дьяболо.
- Ты привела чужих, – покачал он головой.

Картинка из бара «ГЛУБИНЫ» свободно транслируется в локальную сеть через десяток видеотерминалов. Дьяболо успел прекрасно разглядеть моих спутников. Только мы и не собирались прятаться.

- Это – друзья. Ты же знаешь, если бы я не была уверена...
- Нет, – на этот раз его голос категоричен, и следа нет от мальчишеской бесшабашности, – Мы будем говорить здесь. Или не будем говорить совсем.

Что ж... С его стороны – вполне объяснимая осторожность.

Значит, придется разговаривать на берегу тропического океана. Ничего страшного, «пространство» хорошо защищено от прослушивания.

Для людей поколения Алана такое общение слегка непривычно.

В одном старом фантастическом романе (кстати, название «ГЛУБИНА» именно оттуда) под действием простенькой и безобидной программы, сознание людей воспринимало «виртуал» в качестве реального мира. Независимо от совершенства картинки на экране.

С тех пор качество оцифровки выросло неизмеримо, мощность компьютеров увеличилась на два порядка, но пока, вместо грёз получают кошмары.

Все известные на сегодня программы, создающие иллюзию реальности, обладают выраженным наркотическим эффектом. Чем они совершеннее – тем сильнее зависимость. Человеческий разум слишком тонкая штука – его трудно обмануть, не разрушая.

В «ГЛУБИНЕ» – «дури» нет. Только, совсем слабые, легальные «видеостимуляторы». Это же респектабельное заведение...

Я, как раз, хотела стащить шлем и прочесть Алану что-то вроде лекции по «виртуалу», когда рядом из ничего возникли две фигуры. Стандартные тела – широкоплечие молодые мужчины. Один брюнет, другой блондин – чтобы легче различать собеседников. Наверное, компьютер выбирал.

– Если хотите общаться здесь – мы не возражаем, – сказал брюнет голосом Алана. Судя по голосу, американец улыбнулся, но виртуальный двойник вместо этого перекосялся в безобразной гримасе.

– Поправьте шлем, – негромко посоветовала я. Брюнет торопливо ощупал голову и сразу расплылся в широкой улыбке – биосенсоры шлема правильно облегли лицо.

– Кто вы такие? – хмыкнул молодой Эйнштейн-Дьяболо, небрежно разваливаясь в кресле-качалке.

– Друзья, – развёл руками американец, присаживаясь напротив.

– Не люблю, когда неизвестно кто приходит с улицы и начинает искать моей дружбы. Это выглядит подозрительным, вы не находите?

– Обойдёмся без вводных фраз.

– Давайте.

– Мы представляем людей, заинтересованных в самом тесном сотрудничестве. И обладающих большими возможностями.

– Насколько большими?

– *Весьма, весьма* большими.

– Звучит заманчиво, – покачал головой Дьяболо, – И пахнет... Чувствуете запах?

Алан и блондин недоуменно переглянулись.

– Нет? – удивился «Эйнштейн» и шумно втянул носом воздух, – Странно. А я очень хорошо чувствую... – он даже прищелкнул пальцами, – Такой приятный, волнующий аромат... Аромат сыра в мышеловке.

– Пока, вы ничем не рискуете, – пожал плечами американец, – А вот мы готовы рискнуть. Четверть миллиона долларов для начала. На любой указанный вами счёт, в любом банке мира. Это местные правители думают, что ученые должны работать бесплатно. Мы готовы платить!

«Эйнштейн» повернулся в мою сторону:

– Фродо, где ты откопала этих сладкоголосых сирен?

Я уже успела поменять тело и торопливо оправила на себе цветастое «мини». Глупость, конечно, так заботиться о внешности.

– Они – друзья, Дьяболо.

Вот и пришло время для тяжелого разговора.

– Случилась худшее... Михалыч... В общем, его арестовали. Взяли ещё многих наших. Мне самой едва удалось выбраться, – кивнула в сторону гостей, – Они помогли.

«Эйнштейн» замер и долго, неотрывно смотрел, будто хотел под виртуальной маской разглядеть моё настоящее лицо. Я не отвела глаз.

– Помогли, говоришь? – на лице Дьяболо начала расползаться ухмылка.

– Да. Помогли. Можешь, прийти в четвертый «рум» и увидеть сам. Это действительно я. И со мной всё в порядке. Меня не пытали, не накачивали наркотиками...

Он молча встал. Потянулся:

– Искupаться, что ли... Скучно тут у вас.

– Неужели ты сам не чувствуешь, что я говорю правду? – вырвалось у меня в отчаянии, – «Охранка» поставит на уши всю Москву... Лаборатория – это не иголка, её не спрячешь, не унесешь в кармане. Рано или поздно они найдут вас... А эти люди готовы помочь.

– Фродо, – усмехнулся «Эйнштейн», – Одевай полный костюм и айда купаться...

– Молодой человек, ваше недоверие – законно, – голос Алана был совершенно спокоен, – Но рассуждайте логически. Если бы мы готовили для вас ловушку, зачем начинать беседу с рассказа о провале? Уж поверьте, ложь бывает такой разнообразной. А правда – одна. Хотя для нашей встречи она, вероятно, и не слишком подходяща.

Дьяболо опять взглянул на меня, покачал головой и с размаху плюхнулся в кресло:

– Ладно. Какой-то резон в этом есть. Излагайте... Только без «трэша» – чего вы можете и чего хотите?

– Буду краток... – согласился Алан.

Иногда физик прерывал американца вопросами.

Похоже, нам удалось-таки перебороть его недоверие. Радоваться надо, но где-то в подсознании я чувствовала смутный холодок. Что-то было не так. Сама не знаю, что.

Может, эта непонятная ухмылка Дьяболо, когда я рассказала про Михалыча?

Снова в памяти всплыла загадочная осведомленность нарисованного Коляна, теперь уже не казавшаяся безобидным пустяком.

Я оглянулась по сторонам. Ветерок с океана то крепчал, то растворялся до неосязаемого дуновения. Но небо по-прежнему ясное. Всё вокруг дышало тропической безмятежностью. И от этого обволакивающего, словно паутина, спокойствия моя тревога только усиливалась.

Какая-то странность в окружающем не давала покоя.

Я вдруг поняла. Бабочки.

Крупные, яркие – они прилетали со стороны океана и кружились над нашей террасой. Там откуда они летели не было и намека на остров, лишь зеленовато-бирюзовая гладь воды. Совсем рядом начиналась густая роща, я чувствовала, как пахнут её цветы, но бабочки туда не спешили. Они порхали над нами, садились на перила веранды и с каждой минутой их становилось больше.

Может, это специально так задумано пространственными дизайнерами? Для пущей тропической экзотичности?

Я встала, подошла к экрану терминала и выбрала опцию «Красная площадь».

Мир вокруг колыхнулся и на месте пальм выросла нарядная громадина Василия Блаженного, в реальном мире уже три года как уничтоженная прямым попаданием ракеты. Мрамор террасы превратился в булыжник площади. Бесследно растворился запах моря... Я повернула голову.

Бабочки никуда не исчезли.

– Алан!... – предостерегающе вскрикнула я, но в этот миг всё вокруг будто взорвалось пёстрым разноцветным пламенем. Яркие, мелькающие перед глазами крылышки – вверху, внизу... Везде. Вместо неба и земли, вместо солнца и облаков. В целом мире – ничего, кроме этого завораживающего мелькания... Они – настоящие, живые. Миллионы порхающих бабочек. Я чувствую их нежные прикосновения, миллионы прикосновений. Пестрая бездна звала и притягивала... Расслабиться и упасть, на самое дно... Это будет длиться вечно... Сладкая разноцветная вечность...

Я закрыла глаза и обхватила голову, срывая с себя шлем. Руки – будто чужие, я почти не чувствовала пальцев... Отбросила шлем в сторону и безвольно откинулась в кресле.

Потом вспомнила: Алан и Фёдор.

Они были неподвижны и на экранах их терминалов бушевала всё та же пестрая тьма... Нет! Я отвернулась и закрыла лицо ладонями. Слегка полегчало.

Клавиш «power» здесь нет – терминалы включаются и выключаются с центрального пульта. Стараясь не смотреть на экраны, я сорвала с Алана и его напарника шлемы и развернула обоих спиной к терминалам. Это мало помогло. Застывшие взгляды уставились куда-то сквозь меня, в пустоту...

– Алан! – вскрикнула я, склоняясь над его лицом. Бесполезно. Глаза оставались тусклыми и незрячими, словно два куска стекла. Я ударила его по щекам, потом налила холодного пива в высокий стакан и плеснула в лицо.

Он слабо заморгал.

– Алан! Очнись!

– Где... мы? – спросил, едва ворочая языком.

Ну наконец!

– Алан! Мы в ловушке! Кто-то узнал о нашей встрече!

– Кто? – непонимающе выдавил он. И начал медленно стаскивать с себя вирт-перчатки.

Нельзя дожидаться окончательного прояснения его мозгов. По логике событий, вот-вот должна появиться группа захвата. Счёт – на секунды. Я закинула его руку себе на плечо и выдернула-таки американца из кресла. Стоять он вроде мог, а вот идти – не очень. Ноги заплетались, словно у пьяного. Кое-как я доволокла его до дверей и оглянулась на Фёдора. Тот всё ещё без сознания. Придётся оставить. Двоих я не дотащу до машины.

Я вставила кредитную карточку Алана в кодирующее устройство. Замок сработал и мы выбрались из комнаты. В вестибюльчике пока пусто. Может повезет проскочить?

Не повезло.

Дверь, что вела из бара, отъехала в сторону и пропустила в вестибюльчик того самого дежурившего на входе «железобетонного» охранника. Потом металлическая плита встала на место.

– Неужели вашему другу не понравилось? У вас еще масса оплаченного времени, – улыбнулся охранник, поигрывая шокером.

Впрочем, улыбка была слегка напряженная. Он действительно один? На СОК это не похоже.

«Железобетонный» не спеша шагнул ко мне. Сейчас он даже без шлема. Ну, да. Чего бояться какой-то девчонки и её накачанного компьютерной «дурью» спутника. Оружия-то у нас нет. Он сам отобрал его ещё на входе.

Не отпуская американца, я извлекла из под своей легонькой курточки небольшую вещицу. Глаза охранника округлились. Керамический пистолет – удобная штука. Ни грамма металла. Ни один сканнер его не обнаружит. Единственный недостаток – цена. В аккурат, два восьмисотых мерседеса. Когда Алан вручал мне пистолет, очень просил не потерять.

Пальцы охранника метнулась к подмышечной кобуре.

Неправильный выбор, мальчик!...

Он упал и зарычал от боли, левой рукой зажимая рану чуть выше наколенника. Его правая рука – уже не действует. Первым выстрелом я попала в налокотник. Минут десять контузии – обеспечено.

Удерживая охранника на прицеле, я прислонила Алана к стене. Ласково предупредила «железобетонного»:

– Видишь какие большие дырки умеет делать эта игрушка? Дернешься – следующая будет у тебя в голове.

Отобрала у него «стечкин» и шокер и, поигрывая пистолетом, вежливо спросила:

– Мальчик, где же твои друзья?

– Когда надо, друзья – рядом, – ответили откуда-то из-за моей спины. Рывком обернулась. Нет, я не испугалась. Я могла бы узнать этот голос среди тысяч голосов.

В дверях служебного хода – коренастая, будто из камня высеченная фигура. Седой ёжик волос. Морщины у век собрались в такую родную паутинку. И оттуда, из глубины – внимательные зрачки...

Михалыч. Мой Михалыч. Старик.

– Здравствуй, Таня.

– Здравствуй...

Это он, конечно, он! Живой и здоровый. Броситься к нему, обнять... Но что-то останавливало. Что-то в его глазах... Какое-то отчуждение между нами.

– Почему ты привела этих людей, Таня? – спросил он очень спокойно.

– Они – друзья.

– Неправда. Это неправда.

Знакомой пружинистой походкой Старик шагнул к осевшему на пол американцу и я вскинула пистолет:

– Не смей!

Я будто кожей чувствовала исходящую от Старика опасность. Он – чужой! Совсем чужой.

– Ты ведь не выстрелишь в меня, Таня, – краешками губ улыбнулся Михалыч и сделал ещё один шаг.

– Убей его! – глухо забормотал Алан, – Убей! Помнишь, я говорил тебе про того, кто всех предал? Это – он!

– Ложь, – покачал головой Старик.

– И та история с трибуналом, – продолжал американец, пытаясь отползти от Михалыча, – Всё было задумано, чтобы одурачить. Инсценировать побег по дороге в Питер. И продолжить игру. Поэтому я так спешил, Таня. Я знал, что он может раньше нас выйти на физиков...

– Он лжет, – вздохнул Старик, – Никакой инсценировки. Мне действительно удалось бежать.

– Убей его, Таня! Убей! – повторил Алан, – Не слушай. Он умеет заговаривать зубы! Они не допустят, чтобы мой доклад ушел в Вашингтон... Спецоперация. Меня ликвидируют, а всё спишут на Подполье!

Михалыч насмешливо покачал головой. Совсем как прежний... Мой Михалыч. Если бы тогда, в ночном Курске, ты не подобрал избитую до беспамятства, тощую девчонку с простреленными ногами, не пришлось бы сейчас удерживать на курке дрожащий палец... Всё окончилось бы намного раньше. Скорее всего, в ту самую ночь. Два месяца провалялась и тебе удалось-таки меня выходить...

Но это где-то там в прежней жизни. Палец на спусковом крючке деревенеет. *«Ты должна его убить»* – неумолчным гудением отзывается внутри каждая фраза Алана. *«Должна, должна...»*

Я и сама знаю, что должна. Я знаю, что Михалыч – враг... Вот только откуда я знаю? Откуда подкатывающий к горлу комок страха и ненависти?

Мой это страх... или страх скорчившегося на полу Алана? *«Убей!»* Кто говорит? Нет, не американец... Я знаю этот голос. Отец... Мой отец в окровавленной рубашке стонет, зажимая рану, и просит об одном: *«Убей его! Убей!»*

И тогда я спускаю курок. Пистолет вздрагивает, но выстрелов я уже не слышу.

Бабочки... Миллионы бабочек... Пёстрые разноцветные крылышки... Словно ласковые, необжигающие языки пламени... Так легко падать в это пламя... Так спокойно...

Глава 5

– Таня!..

Тяжело поднимать веки...

– Таня!..

Михалыч склонился надо мной. На лице – тревога.

Я пробормотала:

– Со мной в порядке...

Но главное, что всё порядке с ним. Я чуть приподнялась и разглядела за спиной Старика, на пороге «рума» номер четыре, неподвижное тело Фёдора. Компьютерная дурь сказалась на помощнике Алана слабее. Ему удалось не только самостоятельно добраться до дверей, но и извлечь непослушными пальцами керамический пистолет.

Сколько же я провалилась в «отключке»? Наверно, всего несколько мгновений. Красная лужа рядом с головой Фёдора была еще маленькая, но с каждой секундой она расплзалась... Я всадила в него не меньше половины обоймы.

– Прости меня, Михалыч...

Старик чуть улыбнулся:

– Не за что... Дай-ка сюда эту погремушку... – осторожно высвободил «стечкин» охранника из моей левой руки. С удовольствием бы ему помогла, но задеревеневшие пальцы еще не очень слушались. Я заметила, что рукоятка моего «керамика» уже торчит из кармана Михалыча. Всё правильно. Хотя чужого страха и ненависти внутри я больше не чувствовала, оружие лучше убрать от меня подальше. До полного прояснения мозгов.

Я взглянула на охранника и прикусила губу. Кое-что я успела-таки натворить. Казавшийся таким крепким парень, «вырубился» от потери крови.

– Михалыч! Его надо перевязать.

Старик кивнул и подошел к охраннику. Осторожно тронул его щеку:

– Игорёк, ты как?

Почему Старик медлит? В кафе обязательно должен быть медицинский комплект. А кровь можно остановить обыкновенным жгутом...

Чёрт, совсем забыла!

– Где американец? – попыталась встать. Не смогла, голова закружилась, в висках запульсировало. Я прислонилась спиной к стене, осторожно повернулась и наконец-то увидела.

Алан молча корчился и выгибался на полу у дверей, пытаясь достать рукоятку электронного замка. Он все еще не владел своим телом и был беспомощнее младенца... Во мне шевельнулось странное чувство жалости, смешанной с отвращением.

Михалыч вскинул «стечкин». Короткая очередь ушла в обивку вестибюля. Только одна пуля угодила в затылок Алана. Но даже этой одной – более, чем достаточно.

– Зачем? – вскрикнула я.

– Так надо, Таня...

Я отвернулась. Наверное, он знает то, чего не знаю я...

От грохота выстрелов пришёл в себя охранник. Моргнул, зашевелился, тихо позвал:

– Михалыч...

Что-то еще сказал – я не разобрала. В ушах у меня звенело. «Стечкин-М» – это не изящная вещица из керамики. Никаких встроенных глушителей не предусмотрено. Если бы не надежная звукоизоляция «ГЛУБИНЫ», в кафе уже поднялся бы переполох.

Впрочем, на пульте админа всё прекрасно слышно и видно. Раз до сих пор не объявили тревогу, значит у Старика там свой человек. И если бы американец дотянулся до замка, вряд

ли это ему помогло – наверняка электронные замки на всех дверях блокированы с центрального пульта.

– Михалыч... – снова позвал охранник. Голос был такой слабый. И всё из-за меня...

– Потерпи, Игорёк, – отозвался Старик и сунул «стечкин» под мышку. Зачем-то достал из нагрудного кармана мой «керамик» и тщательно вытер рукоять. Я заметила, что на Старике прозрачные пластиковые перчатки. Но почему он так спокоен? Нельзя медлить. Иначе парень точно загнётся...

Я снова попыталась встать – в этот раз удалось. Качаясь, сделала шаг:

– Надо наложить жгут...

Договорить не успела.

Михалыч два раза выстрелил в охранника из моего пистолета. В шею, повыше стоячего воротника бронежилета. Потом аккуратно вложил «керамик» в руку мертвого Алана. А рукоятку «стечкина» сунул в холодеющие пальцы охранника.

Пол медленно качнулся подо мной, выскользывая из-под ног. Я отступила и прислонилась к стене.

Старик поднял на меня глаза:

– Извини, Таня, так надо...

Я заворуженно смотрела, как красное пятно расползается, подбираясь к носкам моих туфель. О чём говорил Алан? Спецоперация?

Неужели американец выболтал правду? В тот единственный раз, когда у меня хватило сил ему не поверить...

– Таня... – взгляд у Михалыча странный, просительный.

Понимаю, свидетелей не должно остаться... Даже под ментосканированием никто не должен рассказать правды. Из-под расстегнутой куртки Старика выглядывает кобура. Что там у него? «Керамик» Фёдора?

Куда будет стрелять – в голову или в грудь? Я ведь без «брони»...

Он идёт ко мне и я не пытаюсь отступать. Все равно убежать нету сил. Да и не выпустит меня тот, кто сидит на пульте админа.

– Не бойся...

Нет, Михалыч, смерти я уже не боюсь... Смерть – не самое страшное.

Он подходит ближе... Зачем так близко? Стрелять надо от тела Фёдора, из его пистолета, тогда баллистическая экспертиза всё подтвердит...

Старик делает последний шаг...

Он не выстрелил. Он обнял меня и прошептал:

– Ты поймешь, Таня. Обязательно поймешь.

Его пальцы быстро коснулись моей шеи и в глазах потемнело...

Михалыч... Лучше бы ты бросил меня подыхать в Курске...

Нет, я не потеряла сознания. Словно через толщу воды, до меня доходили звуки голосов... Я чувствовала, что лежу на полу. Что-то теплое коснулось моей руки и я поняла, что это наконец доползла до меня красная лужа от тела охранника.

Меня бережно подняли и куда-то понесли. Видеть лиц я ещё не могла – перед глазами по-прежнему плавали темные круги, но по голосам знала, что это Михалыч и кто-то ещё. Спустились вниз. Меня усадили в кресло и стали аккуратно привязывать. Кажется, липкой лентой примотали руки к подлокотникам, щиколотки – к подножке кресла. Не слишком туго, но вполне достаточно, что исключить любые неожиданности с моей стороны.

Начало возвращаться зрение. Я увидела рядом Михалыча с инъектором. Дернулась – руки и ноги снова слушались, но многослойная лента удержала меня в кресле.

– Расслабься, Таня, – сказал Старик, – Иначе будет немного больно...

– Гадина! – на смену ледящему оцепенению пришла злость.

Он укоризненно поморщился и ваткой смоченной в спирте протер мою правую руку выше локтя. При использовании инъектора этого и не требовалось, но видимо Михалыч слишком мной дорожил. Потом он вколол мне чего-то прозрачного.

– Извини, Таня... Тебе надо успокоиться. Иначе возможны осложнения. Скоро мы поедем в одно место и опытные люди тебе помогут.

– Мразь!

– Зря ты... Я ведь рисковал. Ради того, чтобы ни один волос ни упал с твоей головы... Отвернулась. Не могла на него смотреть.

– ... Я понимаю, что тебе плохо, Таня. Этот выродок пытался подчинить твой разум. И ему было все равно, что с тобой случится. Лишь бы проверить дело...

– А тебе?... Тебе не все равно? – я нашла силы заглянуть в его глаза. Такие знакомые и чужие.

– Нет. Ты, ведь, знаешь.

Господи, он же не врёт, не играет... Он, действительно, говорит правду.

– Тогда отпусти меня, Михалыч.

Он покачал головой и я криво усмехнулась:

– Понятно...

– Перестань, – вздохнул Старик, – Разве ты сама не чувствуешь, что нуждаешься в помощи? Ты очень устала... Устала бороться с тем, что внутри тебя...

Какой бред он несёт. Глупый, бессмысленный бред... Но пускай, говорит, пускай... Тянуть время – единственное что мне остаётся.

Быстрым взглядом я окинула комнату. Какая-то подсобка в подвале «ГЛУБИНЫ». Железяки непонятного назначения, ящики, стеллажи с инструментом. Если освободить хотя бы одну руку, можно дотянуться до вон той никелированной трубы.

– Почему ты работаешь на них? – я изо всех сил пыталась быть спокойной.

– На кого это «на них»?

– Тебе виднее. На американцев, на Рыжего, на Гусакова... Не знаю, кому ты ещё успел продаться.

– Думаешь, у них всех хватило бы денег? – прищурился он.

Из моей груди вырвался хриплый смешок:

– Значит, ты – бескорыстный предатель.

Трубой я легко бы достала до его виска... Проклятая лента... И вроде бы совсем не туго, но рука будто приросла к подлокотнику...

– Слова... Пустые слова, – покачал головой Михалыч, – В каждом человеке скрыты огромные возможности. Но большинство не использует даже десятой их части за целую жизнь. Люди сами воздвигают перед собой искусственные преграды. Из собственных комплексов, из предрассудков, из фальшивых фраз... Лишь немногим избранным выпадает шанс. Возможность освободиться, переступить через все преграды... Понимаешь, девочка – только подлинная СВОБОДА даёт настоящую СИЛУ.

– Да уж... А предательство – вообще окрыляет!

– Обычный человек – очень уязвим. Из-за своих комплексов. Поэтому он так легко подчиняется чужой воле, – взгляд Старика стал жёстким, – Используя твой страх, Алан почти превратил тебя в игрушку...

– А ты не терпишь, когда кто-то, кроме тебя, дергает за ниточки?

Он отвёл глаза:

– Да я виноват... Но теперь время пришло. Если бы ты знала, Таня, как я мечтал об этом.

– О чём?

– О свободе для тебя.

У меня вырвался истерический смех.

Но в голосе Михалыча нет и тени иронии:

– Пришлось ждать целых два года... Сотни раз ты могла погибнуть. И всё-таки я знал, всегда знал, ещё там в Курске, что однажды этот день наступит.

Что за чепуху он несёт?

Взгляд Старика осветился теплотой:

– Твоя боль помогла тебе выжить, Таня. Но она не давала тебе жить. Теперь всё кончится. Страх и боль уйдут. Навсегда. Ты почувствуешь СИЛУ. Вся никчемная и трусливая человеческая болтовня не стоит одного такого мгновенья.

Мне стало не по себе от его взгляда:

– Неужели ты сам в это веришь?

Он кивнул:

– Трудно объяснить. Проще – почувствовать. Надо самому пройти через *это*...

Успокаивающе коснулся моей руки и меня будто ледяной волной окатило.

– Михалыч... Ты уже *прошёл*?

– Конечно.

– И давно?

– К сожалению, очень поздно. Чуть менее трёх лет назад...

Ясно. Два с лишним года, пока ты находил людей, пока выстраивал из них, как из кирпичиков, организацию, ты *уже* был *свободным*. Без предрассудков и веры в «фальшивую болтовню». Даже там в Курске... Одно непонятно, зачем ты меня выхаживал, ночами не спал... Такие хлопоты. Куда проще отыскать другой кирпичик. Откуда эта привязанность к строительному материалу?

Или для тебя было слишком поздно? И уже нельзя было вытравить до конца всё ненужное, человеческое...

А может им так удобнее? Оставлять кое-что *лишнее*. Самую малость. Чтобы убедительнее звучали твои неброские, но ёмкие фразы о Родине, о нашей борьбе... Чтобы десятки людей были готовы идти за тобой хоть в самое пекло...

Я смотрела на Старика и чувствовала, как на глаза наворачиваются слёзы. Михалыч, Михалыч, что же с тобой сделали?

Конечно, это было глупо, никакого другого Карпенко я и не знала. Это была слабость... Обычная человеческая слабость...

Много ли слабостей они мне оставят?

Буду ли я так же тебя любить или так же ненавидеть, Михалыч?

Он гладил меня по руке:

– Сейчас препарат подействует и станет легче. Думаю, осложнений удастся избежать.

По-своему, он действительно обо мне заботился. Он был, как хороший врач у постели трудного пациента.

– Скажи, это больно? – мой голос прозвучал намного тише. Наверное, именно так должна влиять дрянь, которую он мне вколол.

– Совсем не больно, Таня, – качнул головой Старик.

– Вроде операции на мозге?

– Нет, конечно, нет. Всё намного проще...

Он говорил что-то умиротворяющее, но слушала я уже в пол-уха. Минуту назад я обнаружила, что бритвенно острый кусочек пластика чуть отслоился от настоящего ногтя на правой руке. Кровь охранника – она доползла до моих пальцев, когда я лежала на полу в вестибюле. И этого теплого прикосновения оказалось достаточно.

Уже целую минуту я резала слои липкой ленты.

– ...исправим то, что успел натворить Алан. Остальное уже не так сложно...

Откуда-то, как мне показалось, со стороны двери донесся металлический скрежет. Старик обернулся и в тот же миг освободившейся рукой я схватила никелированную трубу.

Обрушить её на голову Михалыча не получилось.

Доля секунды и моё «оружие» переключалось в его ладонь. Так быстро... Я даже не успела сообразить.

– Ну зачем, Таня, – с укоризной вздохнул Старик, отбрасывая трубу в угол комнаты.

– Неужели до сих пор не подействовало? – знакомым жестом он озабоченно пригладил седой ёжик волос, – У тебя какая-то аномальная реакция... Извини, придётся увеличить дозу.

Михалыч вдавил мою руку в подлокотник, из картонной коробки на стеллаже извлёк плоскогубцы и коротким резким движением сорвал фальшивый ноготь. Взял пластмассовую катушку с липкой лентой и опять начал приматывать меня к креслу. Я впилась зубами в плечо Старика. Это было не только глупо, но и бесполезно – думаю, он даже не особо почувствовал через плотный материал куртки.

Отплёвываясь, в отчаянии я запорошила голову и тут же дернулась назад, вжимаясь в спинку кресла.

Массивный деревянный ящик с самого верха стеллажа, грохнулся в аккурат на макушку Михалычу. А из открывшегося вентиляционного отверстия высунулась перепачканная физиономия. Расплылась в широкой, на все тридцать два зуба, улыбке:

– Здравствуй, Фродо!

– Скорее, Дьябло! – зашипела я, отдирая свежепримотанную руку. Старик под ящиком уже начинал шевелиться.

Молодое научное дарование прыгнуло на пол. Пытаясь помочь мне, он схватил ножницы.

– Нет! Инъектор! Там должны оставаться ампулы!

Одну мне вкололи. А в стандартной обойме – пять ампул.

Щуплый, нескладный парень, так не похожий на своё виртуальное воплощение, взялся за рукоятку инъектора. В глазах – читалась опаска. От медицины Дьябло был далёк, это точно.

– Вкати ему всё, что есть! Быстро!

Физик послушно задрал рукав куртки Старика и четыре раза нажал на гашетку. Четыре пустых цилиндрика выпали на пол.

Вот только подействует ли это на Михалыча?

Работая здоровенными ножницами, Дьябло наконец-то отделил меня от кресла.

– Уходим! – шепнул, указывая на квадратное отверстие вентиляционной трубы.

Я качнула головой.

Далеко уйти нам не дадут. И без оружия у нас нет шансов.

Я осторожно села на корточки рядом с Михалычем. Попыталась, не переворачивая его тело и не отодвигая тяжелый ящик, засунуть руку под куртку – туда, где у Старика была подмышечная кобура.

Не выходит...

Взяла с пола трубу. Рискнем ещё раз проверить твою реакцию, Михалыч...

– Убирай ящик! – скомандовала я физику.

Он глянул на меня с некоторой опаской. Но выполнил.

Михалыч слабо пошевелился и снова замер. Из широкой ссадины на макушке сочилась кровь. Отложив трубу, я склонилась и молниеносным движением извлекла «керамик» из-под его куртки.

Отступила на шаг и проверила обойму – полная!

Передала пистолет Дьяболо:

– Дернется – стреляй!

Физик слегка побледнел и кивнул, а я стала обыскивать Старика. Обнаружила целую ампулу с тем же номером, что был на ампулах из инъектора и ещё одну пистолетную обойму.

Две обоймы. Хорошо. Этого более чем достаточно, чтобы не даваться живыми. Но хватит ли, чтобы проложить себе путь из «ГЛУБИНЫ»?

– Дьяболо, сколько чужих внутри?

– В служебных помещениях заметил двоих... Правда, ползая по вентиляционным трубам много не разглядишь.

И один бог знает, сколько их среди посетителей «ГЛУБИНЫ», сколько расставлено Аланом или Михалычем снаружи?... Было бы здорово, если бы конкурирующие группы занялись друг другом. Но особо надеяться не стоит. Они ведь могут и договориться. Ради того, чтобы заполучить мозги этого нескладного парня.

– Здесь есть туннель, – вдруг сказал Дьяболо, – Только придётся идти через комнату админа, а там дежурит чужак. И возможно, не один.

– Откуда ты знаешь про туннель? – с сомнением прищурилась я, отступая от тела Старика на безопасное расстояние. В своё время я собрала целое досье на «ГЛУБИНУ» и её владельцев. Но ни о чём подобном слышать не доводилось.

– Чингиз – мой друг, – пожал плечами физик.

Друзья... Я уже успела понять, что именно их следует бояться в первую очередь. Забрала у парня «керамик» и осторожно спросила:

– Слушай, а как тебе удалось вырваться? И разве эта пёстрая дурь на тебя не подействовала?

Дьяболо ухмыльнулся, по-детски самодовольно:

– Дешёвые ламерские штучки... Всего-то и делов – вовремя закрыть глаза и неподвижно посидеть несколько минут. Они убедились, что клиент на месте и снова заблокировали дверь. Куда, мол, деться парню под крутым «глюком»?

Объясняет так, словно только что прошёл новый уровень в «Дарк варриор». Хотя, он, и впрямь, должен неплохо ориентироваться в начинке «ГЛУБИНЫ». Намного лучше меня. Но главное, лучше «чужаков».

– Куда ведёт туннель?

– К ближайшей линии метро.

– Пошли! – скомандовала я.

– Таня... – зазвучал слабый голос.

Я повернулась. Старик-таки очухался... И наверное, слышал весь разговор.

Удерживая его на прицеле, я заглянула в глаза. Пустые, бессмысленные, словно два куска мутного стекла... Препарат всё-таки подействовал.

– Михалыч... – тихонько позвала я.

– Таня... – снова забормотал Старик, уставившись мимо меня куда-то в потолок.

Лицо, раньше будто выточенное из цельного куска камня, размягчилось, как у старой резиновой куклы. На волевой подбородок выползла капля слюны.

Я вздохнула и отвела взгляд. Ближайшее время Старик не опасен... Вот только он слышал про туннель. Если он сможет рассказать... Впрочем, и без туннеля он знает много, слишком много...

Рукоятка «керамика» вдруг страшно потяжелела в моей ладони. Стала мокрой и скользкой... Да, это единственный разумный выход... Всего пять минут назад – я сама мечтала об этом. Но пока ты такой беспомощный, Михалыч, я не могу этого сделать. Один из тех предрассудков, которых у тебя уже нет...

Я присмотрелась и поняла, что Старика не парализовало. Руки и ноги шевелятся. Содержимое четырёх ампул сработало вполне избирательно.

– Помоги ему встать, Дьяболо...

Парень изумленно выпучил на меня глаза, но не тронулся с места:

– Ты чего, Фродо?!

– Ты же знаешь, меня зовут не Фродо. Как твоё имя, настоящее?

– Ар... Артём... – наш физик не на шутку разволновался.

– Помоги ему встать, Артём. Кажется, он сможет идти.

Если не сможет, тогда и в самом деле, остаётся одно...

– Но зачем?!

– Разве ты не понимаешь... Информация. Мы сможем многое узнать...

Это тоже правда. Часть правды.

Артём-Дьяболо растерянно моргнул. Возразить не решился.

Михалыч смог не только стоять, но и переступить ногами, опираясь на плечо физика. Покорный, словно двухлетний ребёнок, и почти такой же слабый. Он не притворялся – я бы почувствовала. Хотя и сама не понимала, откуда эта уверенность.

Он узнал меня. Спросил с блаженной улыбкой:

– Куда мы идём, Таня?

– В одно хорошее место.

– Место... – повторил он радостно.

– А теперь надо помолчать.

– Я буду молчать, – торопливо кивнул Михалыч.

Глава 6

Первый из людей Старика был сразу за дверью. Вероятно услышал что-то и оказался настолько сообразительным, чтобы не афишировать своё присутствие. Уже целую минуту он стоял, вжимаясь в стену и ждал. Я не услышала, а скорее ощутила его. И выстрелила прямо через стену, там, где отверстие для кабелей в бетонной плите, было заделано пластиком.

Из коридора донесся сдавленный стон и глухой звук упавшего тела.

Я рывком распахнула дверь. Всё ясно. С той стороны под слоем отделочного материала отверстие в бетонной плите совсем не заметно.

Здоровенный мужик корчился в агонии. Я поморщилась и добила его. Забрала пистолет, не «керамик», а обычную «беретту» с глушителем, и сунула во внутренний карман куртки. Артёму отдавать не стала. Все равно, от этого будет мало пользы.

Зато помогло то, что Дьяболо прекрасно ориентировался в запутанном лабиринте служебных помещений «ГЛУБИНЫ».

Глухие хлопки выстрелов не должны были наделать переполоха, а видеокамер здесь нет. Но видимо тот, кого я «завалила», успел раньше поднять тревогу. Ещё двое выскочили навстречу, когда мы прошли извилистый коридорчик и оказались перед узкой лестницей.

Эти двое спешили и не знали, что внизу уже ждала я. На лестнице было тесно и второй впопыхах успел всадить целых две пули в спину своего напарника. Прежде, чем тоже захрипел, оседая на ступени с дыркой в голове.

Я помедлила несколько секунд. Больше никто не спешил присоединиться к холодеющим трупам. Наклонилась, подобрала оружие – в хозяйстве сгодится. И поднялась в комнату системного администратора.

Здесь не было ни души. Если не считать мертвого длинноволосого блондина на полу в луже крови.

– Чингиз! – выпалил Артём.

А мертвец вдруг ожил. И выстрелил в меня из совсем крохотного «керамика». Одна пуля оцарапала плечо, вторая – угодила в пистолет. Моя контуженная рука онемела, выронив оружие. Но почти одновременно хлопнули ещё выстрелы и блондин повалился навзничь, заливаясь уже своей, настоящей кровью.

– Это не Чингиз, – сказал Артём, облизывая пересохшие губы, – Просто очень похож... И когда парень успел расжиться «стечкиным»?

Думаю, хотя бы один из владельцев «ГЛУБИНЫ» зачитывался в детстве авантюрными романами. Когда мы спустились из комнаты сисадмина в подвальную подсобку, занятую разнообразным софтом, Артём уверенно направился к шкафчику для одежды в дальнем углу. Нажал что-то внутри и задняя стенка шкафчика отъехала в сторону, открывая проход. Яркое освещенная неоновыми лампами винтовая лестница круто уходила вниз.

Михалыч, не издавший ни единого звука за время перестрелки и всё это время не доставлявший особых хлопот, восторженно вытаращил глаза. Вполне нормальная реакция для трёхлетнего ребёнка.

Я шла, тревожно вслушиваясь.

Лестница привела в крохотную комнатку.

«Метров двадцать ниже уровня подвала»– оценила я.

На полочке, рядом со стальной дверью, аккуратно дожидалась пара фонарей и электронный ключ.

– Это от дрезины, – пояснил Артём.

Он набрал на кодовом замке число из шести цифр. С видимым усилием крутнул ручку запора и распахнул тяжелую дверь. Из темноты повеяло затхлостью. Неудивительно. Вентиляция туннелей метро не работает уже три с лишним года.

– Лампочка перегорела, что ли? – буркнул физик, напрасно щелкая туда-сюда рубильником.

Я посветила фонарём, готовая пальнуть во всё что шевелится. Яркий луч выхватил бетонные стены, окуроч на полу и пустую банку из под пива.

Ничего угрожающего.

Впрочем, это было ещё не само метро, а владения загадочного Чингиза. Шагов за пятнадцать туннель упирался в металлические ворота. А совсем рядом дожидалась та самая дрезина – двухместная тележка с колёсами, приспособленными для езды не только по рельсам.

Артём быстро что-то проверил в незамысловатом на вид транспортном средстве и радостно сообщил:

– Аккумуляторы – под завязку! Хватит часов на восемь, не меньше!

Отсоединил зарядный кабель. Бросился к воротам и стал набирать следующую кодовую комбинацию.

Я прикинула вес тележки. Перетащить её на рельсы метро будет не легко. Дьябло в своём настоящем, а не виртуальном теле отнюдь не производит впечатления здоровяка. И от Михалыча – мало толку. Чего уж говорить про меня, слабую девушку.

Ворота отъехали в сторону и муторные подземные ароматы накатили на нас по-настоящему. Теперь это действительно метро. Московское метро. Страшноватое место, куда даже вооруженному человеку без особой необходимости лучше не соваться.

Я осторожно выглянула за ворота... Рельсы в пятнах ржавчины, плесень на стенах... Капает вода с потолка. И неясные шорохи – где-то очень далеко...

Готовая ко всему, я шагнула вперёд. Только гулкое эхо отозвалось из темноты...

СОКовцы действительно не знают о подземном ходе из «ГЛУБИНЫ».

Физик взялся за каркас тележки и я торопливо предложила:

– Давай помогу!

– Издеваешься? – ухмыльнулся Артём, – Она весит меньше тридцати килограммов! Сплошной армированный пластик и титановые славы! Новейшие японские аккумуляторы!

Он, и в самом деле, без особого труда подкатил тележку, перетащил за ворота и ловко водрузил на рельсы. А я подумала, что если всё это правда, включая аккумуляторы, тележка стоит, как восьмисотый мерседес.

Тайные ходы, диковинный подземный транспорт... Чингиз и вовсе превращался в легендарную личность. Этакий граф Монте-Кристо наших дней...

– Слушай, а чем он занимается? Наркотиками торгует?

– Кто?

– Твой друг.

Артём хихикнул:

– Скажи ещё – человеческими органами... Не-а-а! Чингиз – Король!

– В смысле?

– Это ж его сетевой «ник»! А знаешь, почему? Он, и правда – Король! «Ломаного» софта и пиратских дисков! Рядом с этим, героин – фигня!

Да. Наркотраффик и сами миротворцы «держат» – на это закрывают глаза.

А вот права собственности «Майкрософта» – тут уж всё «цивилизованное сообщество» звереет. В Туле каждые три месяца устраивают облавы на «пиратскую» продукцию. Рыжий регулярно отчитывается об этой борьбе на всех конференциях.

А Чингиз, как видно, решил до конца вжиться в литературный «образ»... Только выдуманному герою было полегче – за его бизнес ему не грозило четверть века тюрьмы.

Михалыча мы усадили в кузов тележки и крепко привязали. Вероятно, Король не закреплял так тщательно даже самые ценные грузы. Старик не сопротивлялся. Был удивительно послушный, тихий. Препарат ещё действовал. А когда действие «дури» закончится, не думаю, что Михалычу удастся освободиться. В конце-концов, умением вязать узлы я овладевала под его квалифицированным руководством.

Артём аккуратно запер за нами ворота и уселся в кресло водителя. Пока всё шло гладко. Даже слишком. Я с сомнением тронула рукоятку иньектора с последней ампулой в обойме, взглянула на Старика и опять отвернулась. Нет. Хватит с него. И так, передозировка. В конце-концов, я не хочу делать из него идиота. Я ещё должна задать ему несколько вопросов.

И всё-таки, почему на мне эта «химия» не сказалась?

Артём уверенно управлял тележкой. Должно быть, не раз ездил с Чингизом. Фары выхватывали из темноты однообразное пространство туннеля. С приличной скоростью и бесшумно мы удалялись от «ГЛУБИНЫ».

Впервые за последние минуты я могла расслабиться. Но легче от этого не стало.

Два с лишним года у меня были товарищи, было дело, ради которого стоило жить... А теперь? Если удастся ускользнуть, остаётся забиться в какую-нибудь нишу и бороться за существование...

Или попробовать устроиться в «бригаду» к Чингизу?

Но для «короля софта», после сегодняшнего, тоже настанут нелёгкие времена. Мёртвый цэррушник плюс ещё куча трупов. Скорее всего – из той же конторы. Такое даже в Москве происходит не часто. Много, очень много вопросов возникнет к владельцам «ГЛУБИНЫ»...

Рассчитывать на помощь нам не приходится. У Чингиза хватит и собственных проблем. Долго ли мы продержимся, полагаясь лишь на свои силы?

Американцы всерьёз охотятся за Артёмом и его друзьями...

Что я могу в одиночку? Только погибнуть. Да ещё, прихватить Артёма и остальных на тот свет. Чтобы врагам не достались их «золотые» мозги...

Я покосилась на его безмятежную физиономию. Точь-в-точь, ребёнок дорвавшийся до любимого трёхколесного велосипеда... Нет! Я не хочу, чтобы он погиб. И выстрелить в него не смогу. Хотя, прекрасно помню, чему два с лишним года учил меня Михалыч. Пусть сам учитель оказался гадом – уроки-то были правильные...

Надо исчезнуть из Москвы. И оказаться в безопасном месте.

Только где оно, это место?

В таежном бункере у Новосибирска скрываются люди. Они называют себя Правительством Национального Спасения. Вся их армия – несколько тысяч полуголодных, плохо вооружённых партизан.

Но эти партизаны могли бы захватить оборудование, материалы для производства нуль-генераторов. Я ведь знаю – особо сложного оборудования или сверхредких материалов такое производство не требует...

Мечты, мечты...

До Новосибирска – как до Луны... Тысячи километров по разорённой и разделённой на несколько «государств» стране...

Даже из Москвы вырваться нереально – без документов, без денег...

И главное – кому можно доверять теперь, после всего?

Старик вдруг засмеялся. Я резко обернулась. Нет, порядок... Он по-прежнему крепко привязан... Куда он смотрит? Я вгляделась и ощутила холодок по спине.

Следом за нашей тележкой, не отставая, но и не приближаясь, двигались огоньки. Множество пар огоньков – чьи-то светившиеся в темноте глаза...

– Артём! – мой палец лёг на спусковой крючок «беретты».

Физик посмотрел назад и успокаивающе махнул рукой:

– Не бойся. Живых они обычно не трогают. Да они нас и не догонят... О, чё-орт!!! – вдруг заорал он, изо всех сил вдавливая педаль тормоза.

Слишком поздно. Тележка на полном ходу врезалась в натянутый стальной трос, а нас с Артёмом по инерции швырнуло через панель управления.

«Беретту» я не выпустила, хотя довольно сильно ударила головой о рельс. В следующее мгновение крутнулась на спину и пальнула по вынырнувшим из бокового туннеля теням. Раздался вопль. Человеческий вопль. Впрочем, натягивать стальной трос поперёк путей – это тоже по-человечески.

Потом что-то острое пробило мою куртку и меня трухануло так, что в глазах потемнело и «беретта» сама вылетела из руки.

Оказаться мишенью для разрядника – приятного мало...

Когда в глазах посветлело, я увидела высокую, склонившуюся надо мной фигуру с большим аккумуляторным фонарём. А ещё ощутила – кто-то другой быстро и сноровисто шарит по моему телу, извлекая пистолеты, обоймы и всё содержимое карманов.

Попробовала шевельнуться и из темноты донеслось приглушенное ворчание. Нечеловеческое.

– Смотри-ка, уже очухалась, – высокий направил свет фонаря на моё лицо и рассмеялся, будто откашлялся.

Потом мне завернули руки за спину, защелкнули стальные браслеты и погрузили в кузов тележки, дожидавшейся в боковом туннеле. Чуть позже рядом бросили аналогично обработанного Артёма. Привязанный Старик, на котором дорожно-транспортное происшествие мало сказалось, удивленно захлопал глазами. Моя надежная «упаковка» сыграла для него роль ремней безопасности. К тележке присоединили что-то вроде платформы на колёсиках и уложили неподвижное тело. Наверное, тот в кого я успела попасть.

Высокий сел рядом с водителем, ещё один крепыш забрался на платформу. Свет фонаря на мгновение скользнул по автомату в его руках. «Барс»? Я вдруг вспомнила, что именно такими была вооружена исчезнувшая в «подземке» спецгруппа СОКа.

Дрезина тронулась. В темноте за ней последовали огоньки светившихся глаз.

Изрядно попетляв туннелями, нас доставили в просторное помещение с нарядными цветистыми коврами на голых бетонных стенах.

Впрочем, пол здесь – довольно грязный, щедро усыпан окурками и пустыми консервными банками. Меня и Артёма посадили в центре комнаты на ящик. Михалыча так и оставили у железных ворот, привязанным к кузову тележки.

Лампы горят вполнакала, едва разгоняя сумрак в дальних углах. Кажется, здесь не любят яркий свет. И все же наших врагов можно разглядеть. На СОКовских спецназовцев они не похожи. У всех разнообразная, но одинаково грязная и засаленная одежда. А тяжелый запах, перекрывающий даже ароматы метро, я успела почувствовать намного раньше.

Обычная внешность обитателей Развалин. Если бы не новенькие, замечательно начищенные и смазанные «барсы».

– Добро пожаловать в наш убогий приют, – оскалил гниловатые зубы высокий.

Именно этот тощий субъект в мятом, грязно-сером плаще был здесь за жоака. Он не выглядел особо крепким. Скорее уж что-то богемное проскальзывало во всём его облике – в заплетенных в косичку жиденьких волосах, в саркастичном прищуре... Остальные семеро – другие. Заурядные типажи людей, привыкших вырывать свой кусок хлеба – пусть даже вместе с горлом ближнего.

– Так-так, – прошелся по комнате тощий, заложив руки за спину, – Кого нам судьба послала? Друзья Чингиза, я не ошибаюсь? Очень рад видеть вас у себя.

– Удивительное гостепреимство, – сморщился Артём, – Приглашать в гости с помощью разрядника – это даже оригинально.

– Кстати, вы убили одного из местных. Тоже довольно невежливо.

– Что-то не пойму. Мы ведь к вам в гости не ломились. Ехали своей дорогой...

– Не своей... *нашей* дорогой, – мягко поправил субъект в плаще.

– Круто загибаешь! – вытаращил глаза Артём, – Может и всё остальное метро тоже *ваше*?

– Поразительная интуиция, – тонко улыбнулся высокий, – Угадал с первого раза!

Остальные, примостившиеся у входа на ящиках, отозвались искренним хохотом. Что за гадкие рожи...

– Я – Слепень, хозяин метро, – уже без тени улыбки представился верзила.

И хохот сразу прекратился.

Я чуть двинула Артёма ногой, чтобы не ляпнул какую-нибудь глупость. Осторожно подавала голос:

– Не маловато ли людей – контролировать всё метро?

– *Людей* – вполне хватит, – пожал плечами Слепень.

Один раз я слыхала про бандита с такой кликухой. Но «держат» всю подземку?... Даже, если у него наберется несколько сотен головорезов – все равно этого мало. И правительство Гусакова не смогло поставить метро под контроль, чего уж говорить про эту кучку бомжей с ворованными автоматами.

– Может быть тоже представитесь? – почесал Слепень щетинистый подбородок.

– Ты ведь забрал наши документы.

– Документы – это лишь бумага и пластик. Меня интересует более ценная информация. Например, что за маразматическое существо прикручено к «чингизовской» колымаге... И сколько Король отвалит за всю вашу тёплую кампанию...

– Нисколько не отвалит. Ты не знаешь Чингиза! – выпалил Артём, игнорируя мои отчаянные жесты.

– *Нисколько* – это очень мало, – прищурился Слепень, – Может быть торговцы органами дадут больше?

Бомжи с автоматами дружно заржали.

А я подумала, что на шутку это не тянет. Скорее уж на констатацию беспощадной правды.

– Послушай, Слепень, – я старалась вложить в интонацию максимальную убедительность, – Дело обстоит куда сложнее, чем кажется... Побеседуем с глазу на глаз. Если, конечно, не боишься.

Бояться ему и в самом деле нечего. Хлипкий парень и пытающаяся казаться решительной девчонка – оба в наручниках, да ещё беспомощный старик, крепко привязанный к кузову тележки.

– У меня нет секретов от товарищей, – всё же развёл Слепень руками.

– Иногда и стены могут проболтаться.

Он смерил меня пристальным взглядом. Хмыкнул, обернулся к своей разношерстной банде и помахал тыльной стороной ладони, указывая им на выход.

– Ну, и что ценное ты хочешь поведать? – спросил, едва двери за ними захлопнулись, – Случайно, не номер швейцарского счёта Чингиза?

Он небрежно устроился в мягком кресле. Его пальцы, свесившись на низкий журнальный столик, постукивали по рукоятке «беретты».

Нас разделяло больше пяти метров. Если я на него прыгну, все равно он успеет нажать курок. С такого расстояния промахнуться невозможно.

Что же ему сказать?

Время тянулось, мы смотрели друг на друга и я лихорадочно перебирала возможные варианты. Артём в этот раз благоразумно молчал. Со слабой надеждой я покосилась на Старика – времени прошло изрядно, неужели в голове у него ещё не проясняется? Хоть он и враг, но в этой ситуации...

Увы, вид Михалыча не внушал оптимизма, а фраза насчёт, «маразматического существа» по-прежнему имела явные основания.

Пауза затягивалась и я сказала первое, что взбрело в голову:

– Слепень, мы не те люди, на которых можно заработать деньги. Единственное, что можно заработать – неприятности.

– Это что, угроза? – чуть удивленно вскинул он брови.

– Нет, нет, – отчаянно дернула я головой, – Чингиз действительно не даст тебе ни копейки. Из-за нас – у него проблемы с полицией. Крупные проблемы. Думаю, он даже будет рад, что избавился от нас. Охотникам за органами тоже не нужны проблемы. Никто не даст тебе ни копейки.

– Девочка, если ты пытаешься пудрить мозги...

– Правду легко проверить. Скоро вся Москва заговорит о перестрелке в «ГЛУБИНЕ». Думаю, через несколько часов и полиция, и «охранка» будут стоять на ушах. Это плохое дело, Слепень, очень плохое... Лучше бы тебе сделать вид, что ты нас не встречал. Даже в метро не будет достаточно безопасно...

– В метро, я – хозяин! – резко перебил он.

Господи, неужели такой дурак?

Маска ироничного спокойствия сползла с него. Губы задрожали:

– Здесь я – хозяин! Я!

Он опустил глаза и, вцепившись в рукоятку «беретты», добавил уже тише, глуховатым изменившимся голосом:

– Пускай приходят. Пускай. Здесь и останутся.

Я вдруг подумала – слишком уж странный он для заурядного бандита. И как ему удаётся держать остальных в подчинении?

Слепень опять глянул на меня и попытался улыбнуться:

– У Чингиза неприятности – это хорошо. Люблю, когда вы, жирующие уроды, начинаете стрелять друг в друга. А когда ваша полиция начинает стрелять в вас – это вообще замечательно.

– Это не *наша* полиция! – не выдержал Артём.

– Ваша... И власть, и полиция... Такие как Чингиз, если и ссорятся с ней – только потому, что не хотят делиться жирным куском. А со мной он будет делиться! Весь «траффик» дисков идёт через мою территорию. И ему придётся платить! Не из-за того, что мне нужны его вонючие деньги. Просто здесь, под землёй – *моя власть*!

– Да? А я думал – ты просто хочешь получить долю, – спокойно заметил Артём.

Слепень встал. Его рука с «береттой» заметно тряслась. Но голос был совсем негромкий:

– Ненавижу... Ненавижу таких... Они как пьявки... Таким, как они, хорошо. Всегда... А мы уходим под землю. Мёртвыми и живыми. Но однажды... Однажды мы вернёмся...

– Это Чингиз-то пьявка? – искренне изумился Артём. Я двинула его локтем в бок.

– ...Заплатите, за всё заплатите... Однажды мы выйдем из могил и выпьем вашу кровь. Всю до капли... До капли... – немигающие глаза Слепня лихорадочно блестели.

Хотя в комнате было тепло, меня слегка зазнобило. Как легко он слетает «с катушек»!

Хуже нет, иметь дело с неменяемыми. Повидала я их, особенно в 2013-м, когда отсидела и вернулась... Я ведь и сама была такой. Первые недели... После того как узнала про своих. Потом оклемалась. А некоторые не смогли. И почти никто из них не пережил ту зиму...

Этот бедняга – выжил. И не только уцелел, а можно сказать, карьеру сделал. Один бог ведает, как ему удалось в теперешней Москве... И всё таки, загадка – почему те подонки до сих пор не свернули ему шею? Выполняют его приказы... Чуть ли не по струнке перед ним ходят...

– Слепень... – я чувствовала себя сапёром вступающим на минное поле, – Мы не такие, понимаешь... Мы – не враги. Сам посуди, из-за обычных «разборок» СОК не поднимают...

Он смотрел сквозь меня. Только думаю, если бы я попыталась встать – он бы не промазал.

– Мы же по одну сторону...

– Я тебе верю... – глухо отозвался Слепень, – Я вас отпущу. Но сначала – правосудие. Вы убили моего человека, вы должны мне одну жизнь.

– Твои люди сами напали!

– Никто не уйдёт от возмездия. Все узнают мою власть. И для Чингиза это будет хорошим уроком.

– Ты ведь пожалеешь об этом!

Слепень криво, страшноато усмехнулся и покачал головой:

– Я уже давно ни о чём не жалею.

Артём толкнул меня, горячо зашептал:

– Вспомнил его, вспомнил! В «универе» он один семестр читал нам философию!

– Как его имя?

– Забыл! Это было на втором курсе...

Нелепая ситуация, напоминающая плохой анекдот – вырваться из когтей «охранки» и умереть от пули несчастного, свихнувшегося преподавателя философии.

Длинная рука с «береттой» стала медленно подниматься. Хриплый голос звучал почти торжественно:

– Да свершится правосудие...

Я подобралась. Нас разделяло уже не более трёх метров. Освободить руки не успею...

Мгновением спустя что-то просвистело в воздухе и Слепень выронил пистолет. Из предплечья его торчала обычная крышка от консервной банки.

В два прыжка Михалыч оказался у дверей и задвинул засов.

Честное слово, в эту секунду я была рада, по-настоящему рада, что не вкатила Старику последнюю ампулу в инъекторе!

Теперь «философ» один против нас. Если попытается левой рукой поднять оружие...

Нет, не успеет. Я не дам. И Михалыч больше не напоминает расслабленную куклу – глаза светятся знакомым, почти весёлым блеском. Он – опять в форме. В отличной форме. И пока мы вели бесполезные беседы, успел освободиться от верёвок.

Давай, Слепень, давай... Попробуй поднять пистолет...

«Философ» не стал наклоняться. Отшвырнул «беретту» ногой в угол комнаты.

Михалыч пожал плечами – задача упростилась.

– Слишком много пустой болтовни, – улыбнулся, неотвратимо подступая к бывшему преподавателю.

Но через мгновение улыбка его растаяла. В сумрачном, дальнем конце помещения, из-за стоявших в несколько рядов ящиков вынырнули тени. И тут же в свете ламп обрели плоть.
– Ого... – выдавил Артём.

Глава 7

Взгляд Слепня торжествующе блеснул. Не менее двадцати кошмарных существ, с глухим ворчанием окружили нас. Каждое – высотой мне по пояс. Думаю, их предки были собаками. Только от облика предков здесь мало что осталось. Клыкастые пасти скорее напоминали крокодилы. Да ещё эти глаза... Огромные глаза ночных тварей. Теперь я знаю, что за огоньки следовали за нами в темноте.

– Мои милые собачки, – с нежностью проговорил Слепень, выдергивая из предплечья жестянку. Кровь потекла сильнее, но он не обратил внимания. Взглянул на нас и чуть удивленно спросил:

– Думаете, это более лёгкая смерть?

Старик не шевельнулся. Не попробовал броситься к валявшейся в углу «беретте». Впрочем, если бы он успел поднять оружие – толку мало... Лишь пара неприцельных выстрелов – до того, как жуткие челюсти перекусят руку и вырвут горло...

Вот и выяснилось, за какие заслуги подземные головорезы стали уважать психованного интеллигента. Интересно, сколько бандитов пришлось скормить «милым собачкам», прежде чем авторитет его стал незыблемым?

Господи, ну откуда взяться подобным чудищам в московском метро?! Бомбы с мутагенными химикатами? Неужели этого достаточно?

Мгновенья – тягуче длинные... Удары сердца – гулкие, как удары молота...

Слепень наслаждается эффектом и не спешит отдавать последнюю команду, переводя взгляд с неподвижного лица Михалыча на бледную, как мел, физиономию Артёма. Не знаю, какое лицо у меня... Врядли, более беззаботное...

– Собаки лучше людей, – голос звучит ровно, словно на лекции в универе, – Знаете, когда я по-настоящему это понял? В первую зиму. Когда все мои умерли... Я дотянул до февраля. В феврале в Хамовниках открылась корейская забегаловка. «Взлетающий дракон»... Там на задворках был мусорный бак. Мне повезло. Корейцы не голодали. Неделью я и еще пара дворняг кормились объедками...

Он морщит лоб:

– Не понимаю, как им удалось выжить. Да ещё рядом с корейским рестораном. Собачье мясо куда приятнее крысиного. Вероятно, это были последние собаки кварталов на десять в округе.

На лице «философа» – мечтательное выражение:

– Знаете, в нашей стае было полное взаимопонимание. После обеда втроем мы залезали в подвал, вместе грелись у костра и спали, сбившись в комок... Они были очень умными, эти псы. Никогда не лаяли и всё понимали без слов – когда надо затаиться и когда бежать... Одного я называл Тузик – он был маленький, смешной и лохматый. Второй, Шарик – крупнее... Только собака умеет быть другом... Не человек...

Слепень затихает. Он кажется вполне нормальным. Разве что, усталым. Наверное, ему давно хотелось выговориться. И наконец-то рядом – подходящие собеседники. С ними можно быть искренним. Никому и ничего они уже не расскажут...

«Философ» гладит собачьи спины. Из огромных пастей тянутся нити слюны...

Неужели сейчас?

У Артёма заметно трясётся колено. Старик – неподвижен, как камень. Почему мы молчим? Надо говорить. Пока длится разговор – мы живём.

– И что же было дальше? – выдавливаю я, не узнавая собственного голоса.

Кошмарные псы рычат. А тонкие губы «философа» складываются в ухмылку:

– Дальше хорошее кончилось. Потому, что появились люди. Двое. Не таких, как я... Эти умели выживать в новой Москве. Я был почти доходяга, а они, наверное, целую зиму что-то жрали. Мне пришлось худо. Снег подо мной растаял от крови... От моей крови. Люди не прощают слабости...

Взгляд «философа» устремлён сквозь нас. Его длинные пальцы, будто живущие сами по себе, от щеки скользят вверх по шевелюре. Там – останавливаются. Подрагивают, словно паук, забравшийся к нему на темя...

– Эти двое меня бы убили. Если бы не мои собачки... Как-то раз корейцы чуть не выловили Тузика – с тех пор я один ходил за едой. Псы ждали в убежище. Они никак не могли видеть... Но почему-то оба оказались рядом. Я видел – Шарик прыгнул. Хотел взять за горло... Он бы сумел – если бы не поднятый воротник. А Тузик вцепился второму в руку. У этого второго оказалась бритва...

Губы Слепня болезненно вздрагивают:

– Собачий скулёж... До сих пор – в ушах... Пока резали моих псов, я успел уползти... Спрятался и отключился.

«Философ» молчит, уставившись в пол. Через секунду поднимает на нас лихорадочно сверкнувшие глаза:

– Думаете, конец истории?

Заговорщически подмигивает и грозит пальцем:

– Вечером я оклемался. И нашёл-таки этих двоих... Дождался пока оба заснут, набив желудки собачьим мясом... Они забаррикадировали двери и окна. Но не заметили, что в соседней комнате есть дыра в потолке. Заделанная картонкой...

На лице Слепня – мечтательное выражение:

– Они даже не успели проснуться.

«Философ» улыбается и разводит руками:

– Люди намного хуже собак. Двуногие уважают только силу. Я должен был стать сильным.

– Чего ты стоишь без своих помощников? – хрипло спрашивает Артём.

– А мы – неразделимы, – шурится «философ», – Как и положено настоящим друзьям... Всё началось с десятка щенков, которых я нашёл и выкормил. Но они развиваются куда быстрее обычных... Они умнее. Понимают не только слова, но и мысли... Никто их не останавливает. Метро – лишь начало!

– Ты псих, – бормочет Артём.

– В сумасшедшем мире, психи – самые нормальные, – смеётся Слепень, а затем просто говорит:

– Фас!

Я вздрагиваю.

Но даже спустя несколько секунд ничего не происходит. С трудом проглотив ком в горле, оглядываюсь по сторонам. Клыкастые мутанты рычат, но не двигаются с места.

– Фас! – громче произносит Слепень, удивленно, непонимающе всматриваясь в своих жутких подопечных. Наверное, мысленно он успел десяток раз повторить команду. Только «собачки» не слушаются ни мыслей, ни слов. По лицу «философа» я понимаю, что раньше такого случалось.

– Фас... – повторяет он уже не столь уверенно. В зрачках расплывается ужас.

Старик по-прежнему стоит неподвижно, опустив веки, словно всё происходящее его не касается. Я медленно сползаю с ящика на пол и переворачиваюсь на спину. Артём непонимающе оглядывается. А я нащупываю среди мусора ту самую, почти четверть часа назад замеченную проволочку...

В это мгновение Михалыч приоткрывает глаза. И Слепень пятится, медленно отступая в сумрачный конец комнаты. Рычание усиливается, крокодилы пасти мутантов начинают оборачиваться в сторону «философа». Подбородок Слепня трясётся, по лицу бродит какая-то искаженная гримаса – должно быть он пытается улыбнуться, но побелевшие губы его не слушаются:

– Собачки... Мои милые собачки. Это же я... Я! Я люблю вас... Я забочусь о вас!

Глаза Старика широко открываются. В ту же секунду «философ» торопливо ныряет в темноту за рядами ящиков. И вся многоголовая, клыкастая свора срывается с места и бросается следом, так что пыльные клубы поднимаются с грязного пола.

А мне почему-то кажется, что псы движутся медленно, страшно медленно... Я отчетливо вижу, как мышцы вспухают под их шкурами, чёрные тела висят, почти парят в тягучем, упругом воздухе. Жуткие и заораживающе совершенные в своей ненависти. Прекрасное орудие в чужих, уверенных руках. Тот, кто управляет ими – свободен от эмоций. И от звериных и от человеческих. Он – выше. И куда страшнее...

На губах Старика – что-то вроде усмешки.

Это для меня время растянулось. На самом деле, погоня не была долгой – почти сразу из-за ящиков донесся отчаянный вопль. И тут же затих. Осталось лишь приглушенное ворчание.

Браслет щелкнул, высвобождая моё правое запястье. Дальше орудовать проволочкой не было смысла. Я метнулась в угол комнаты, к валявшейся на полу «беретте».

Михалыч опередил меня всего на мгновение и отшвырнул ударом ноги. Попал по рёбрам. Чуть ниже – точно бы вырубил минут на пять. Я отлетела к стене, но быстро сумела вскочить, оказавшись между Стариком и дверями.

Он поднял «беретту» и кивнул:

– Ты молодец, Таня. Хорошо держишься.

– Тебе придётся меня застрелить. Или скормить псам. Живой я больше не дамся.

Если бы не пистолет, наши шансы не отличались бы так сильно. Передо мной – враг и эта ясность помогала. За два года Старик многому успел меня научить. И, пожалуй, главным было – не сдаваться.

Михалыч качнул головой:

– Это говоришь не ты. Если бы Алан не вложил в тебя свою ненависть, мы бы давно поняли друг друга. Ты ведь не выстрелила там, в «ГЛУБИНЕ»... Хотя два раза у тебя была такая возможность.

– Отдай мне «беретту» и попробуем ещё раз.

Он язвительно прищурился. Понимал, что в третий раз рука у меня не дрогнет.

– Мы так здорово могли бы работать вместе...

– Да уж. И столько бы пользы принесли великой Америке.

Старик засмеялся.

– Америка... Ну, разумеется... Они тоже думают, что используют нас.

– Кого это вас?

– Таких, как я. Таких, какой можешь стать ты. Поверь, Таня – ты не знаешь и десятой части возможностей. Я слишком старый, но я смогу прожить куда дольше обычного человека. Сохраняя силы, разум. И все равно у меня никогда не выйдет то, что могло бы получиться у тебя.

– Михалыч, а стоит ли *оно* того? Ты ведь – давно не человек. Уже целых три года...

– Я знаю, Таня, – спокойно кивнул Старик, – Мы – другие. Следующая ступень эволюции. Рано или поздно мы должны были появиться. Лучше приспособленные, более сильные, умные.

– И, значит, остальные подлежат уничтожению?

– Бедный, запуганный ребёнок, – вздохнул он, – Да если бы мы ставили себе такую цель, Земля давно бы превратилась в пустыню.

По ту сторону ворот – неясный шум. Подчиненные Слепня заподозрили неладное. Кто-то яростно забарабанил в железные створки.

Только мы со Стариком не обращали внимания. Мы смотрели друг другу в глаза и сейчас это было главное.

В двери несколько раз выстрелили. У кого-то по ту сторону не выдержали нервы. Калибру «барсов» пробить толстый металл – явно не под силу. Через пару мгновений створки загудели от чего-то тяжелого. Но стальные засовы даже не шелохнулись.

Другой проход – в темноте за ящиками. Не зря же Слепень туда бежал. Но, похоже, тот путь не связан напрямую с коридором за железными воротами.

– Ты живёшь в постоянном кошмаре, Таня. Разве ты не хочешь, чтобы он закончился?

– Хочу... Стреляй, – я облизала пересохшие губы и оглянулась на Артёма. Сложившись будто складной метр, физик пытался перекинуть скованные руки вперёд. Браслеты на нём – «самопальные», с длинной перемычкой. Может и выйти...

До ворот шага три. Если отодвинуть засов, ближайшее время Старик оказался бы слишком занят. А может удалось бы и расжиться «барсом»?

Нет... Глупости... Шансов нет.

Он стоял всего в пяти шагах. И с реакцией у него полный порядок. Уж на этот раз он нас не упустит. Счастливые случайности – не повторяются. Как там говорил бедняга, загнанный в подвале «охранки»? Никто не гибнет? Кажется, я смогу это проверить...

Почему он до сих пор не выстрелил? Даже, если я необходима живой – достаточно лёгкого ранения. Всего одна пуля, пробившая в нужной точке мягкие ткани... Этого хватит, чтобы в рукопашной схватке добиться абсолютного перевеса.

За железными дверями вдруг воцарилась тишина. Я напряглась. Если у людей Слепня есть взрывчатка... Тогда надо лишь подождать. Но захочет ли ждать Старик?

Я пристально посмотрела в его светло-голубые глаза:

– Михалыч... Почему я? Зачем столько хлопот...

Он казался немного печальным. И, похоже, тишина за дверями ничуть его не беспокоила.

– Нас мало, Таня, нас всегда будет мало... Обычным людям, плевать друг на друга. Едва слабеют впечатанные в мозги стереотипы, убить ближнего – так же просто, как выпить стакан воды. Мы – другие...

– Ты не очень похож на ангела, Михалыч.

– А я и не говорил, что мы – ангелы, – пожал плечами Старик, – Но мы всегда узнаём себе подобных.

– Слава богу, я ещё не такая.

Он усмехнулся:

– Немногие способны пройти через имплантацию. Мы чувствуем этих людей.

– Как же мне повезло. Почти, как выиграть в лотерею...

– Таких крупных призов там не бывает.

Я окинула его внимательным взглядом и быстро шагнула к дверям. Если он сказал правду, должно получиться. По крайней мере, он будет колебаться, прежде чем спустит курок.

– Артём ко мне!

Физик уже успел перекинуть скованные руки вперёд и в одно мгновение оказался рядом – покрасневший и решительный.

Металлические створки снова загудели, вздрагивая от таранных ударов. Упрямства подчинённым Слепня не занимать. Моя ладонь легла на тяжелый засов.

Старик выстрелил. Пуля навывлет прошила рукав моей куртки, и, отразившись от металла, ударила в бетонную стену справа.

– Отойди от дверей, Таня.

С такого расстояния он не мог промахнуться. Значит... Это самое большее на что он способен! Он действительно не может причинить мне вреда! Поднажать сильнее и в комнате начнется кровавая мясорубка. Риск. Но это единственный шанс вырваться.

Старик снова пальнул. Уже не обращая внимания на такие мелочи, я толкнула засов. Тот даже не сдвинулся. Наверное, заклинило от постоянных ударов. Почему Артём не помогает? Я быстро оглянулась и увидела, что физик осел на пол, держась за ногу. По продырявленной штанине текла кровь.

– Лёгкая царапина, – объяснил Михалыч, – Но у меня богатая фантазия и ещё целых восемнадцать патронов в обойме.

– Фантазия? У тебя? – хрипло выдавила я.

– Ты слишком мало меня знаешь, Таня, – в голосе Старика леденящее спокойствие.

– Ты этого не сделаешь. Он вам нужен целый и невредимый.

– Главное – в его мозгах. Всё остальное – не настолько ценное. Отойди от дверей, сядь на пол и одень браслеты.

Он не блефовал. Он был уверен в себе. Что-то просвечивало сквозь его зрачки. Причина этой уверенности. Не зря он столько времени потратил на бесполезную болтовню...

Я шагнула к нему, пытаюсь уловить эту причину... И комната слегка качнулась, поплыла вокруг меня. Сквозь комнату, сквозь лицо Михалыча, будто через разводы на толстом запylённом стекле, проступил столб зеленоватого холодного света. Свет уходил вверх в бесконечную, тёмную пустоту...

Вот ради чего он берёт силы. Пока он говорил со мной, невидимый, неосязаемый Зов уходил в пространство. Скоро, очень скоро придёт помощь. И ценный, надёжно упакованный груз будет без лишнего риска доставлен по назначению.

– Таня... – будто через толстый слой ваты донёсся удивлённый голос Михалыча. А потом он выстрелил. Почти в упор. И случилось то, чего я и сама не могла объяснить. Я прыгнула вперёд, прямо в этот холодный зелёный свет...

Не было уже ни комнаты в московском подzemелье, ни самой Москвы... Тускло сияющий поток, сотканный из множества нитей, упруго дрожал вокруг, унося меня вверх... Я потянулась, я схватила нити, сжала мертвой хваткой, рванула из всех сил и целый мир вокруг закричал от боли...

Их было много. Словно паутина в тёмном небе – мерцающие жгуты, лучи сплетающиеся в узор. Где-то там, в ином пространстве, человеческие тела двигались, действовали по единому плану – здесь была только паутина, которая год за годом росла, повинаясь простейшему инстинкту выживания. Нити переплетались, растворяя отдельные разумы, приближая главное... Что именно, я так и не успела понять.

Свет вдруг полыхнул ярче. А в следующее мгновение я ощутила себя куском рафинада в чашке с горячим чаем. Я тоже растворялась. Холода и пустоты – больше нет. Моё тело ширилось, наполняя пространство, а разум тонул в сладкой мути. Я любила, меня любили... И я была свободна...

В памяти всплыли слова Михалыча и сквозь убаюкивающее блаженство ленивой улиткой проползла мысль: «Вот на что это похоже...»

Радужно сверкнуло...

Я дёрнулась гаснущим проблеском сознания и выпала в назад, в ненавистное, пропахшее, черт знает чем, подzemелье. В постылое и несовершенное человеческое тело...

Глава 8

Я лежала на полу, а Артём толкал меня локтем, встревоженно повторяя:

– Таня! Таня, очнись!

Руки у него – заняты, обоими руками он сжимал рукоятку «беретты», целясь в Михалыча. Старик сидел напротив, невидяще уставившись перед собой. Выглядел он почти нормально. Только каким образом оружие оказалось в руках Артёма?...

Кажется, в меня успели пальнуть... Вроде ничего не болит. Только вязкая муть всё ещё колыхается в голове...

Я встала, отстранившись от парня.

– Слава богу, – вздохнул Артём, – А то я уже начал беспокоиться...

– Да ну?

– Ты целую минуту была в отключке.

– А что с ним? – кивнула я в сторону Старика.

– Ты у меня спрашиваешь? – удивился Артём, – Ты ведь его вырубил! Первый раз в жизни такое вижу – взглядом вырубил! А потом вы целую минуту таращились друг на друга, словно наркоманы пережравшие «экстази».

Вырубил, как же... Скорее, мы одновременно вырубились. Это не так уж невероятно. Галлюцинации, «выпадение» из реальности... Та «химия», что была в инъекторе, имеет массу побочных эффектов. И нам обоим довелось это ощутить...

Я остановилась в двух шагах от Старика и присела на корточки, так что его глаза оказались напротив моих. Артём опасно пристроился сбоку. Впрочем, «беретту» физик держал наготове.

Да-а... Старик хорошо врезало по мозгам. Он ведь получил в четыре раза большую дозу...

– На кого ты работаешь, Михалыч?

Он моргнул непонимающе.

– Зачем вы это делаете? – изменила я вопрос.

Он слабо шевельнулся и проговорил равнодушно, словно повторял давно заученный урок:

– Человечество нуждается в нас... Его надо направлять... Ресурсы на пределе. Если не вмешаться, люди погубят... и себя, и Землю. Мы – просто защитная реакция планеты.

– А кого вы защищаете здесь, в России?

Перед глазами у меня снова было воронежское поле. И вмерзшие в землю тела под свинцовым январским небом.

В голосе Старика что-то переменялось. Совсем чуть-чуть.

– Никто не хотел лишних жертв. Но исполнители... Трудно нарисовать картину грубой малярной кистью. Так всегда бывает... Самую разумную и справедливую идею легко замарать... Грязью... И кровью.

– Справедливость?

– Не в масштабе отдельного государства... В масштабе планеты. Россия... Эта страна всегда была недоразумением, Таня. Аномалией на древе истории... Она должна была исчезнуть...

– Ты ведь столько лет прослужил ей, Михалыч... Столько лет эта страна была твоей.

Старик приоткрыл рот, будто собираясь что-то возразить. Но так и не произнёс. Ни слова. А потом вдруг я увидела его слёзы. Первый раз за два с лишним года.

– Какая пустота, Таня... Если бы ты знала... Какая пустота...

У меня едва не вырвалась резкость. Но я себя пересилила:

– Я знаю, Михалыч.

И отвернулась.

Тут только обратила внимание, что двери больше не содрогаются от ударов. Либо они решили передохнуть, либо вот-вот наступит черёд взрывчатки.

Артём и не вспоминал уже про слепневских бандюков. Физик сверлил меня взглядом. Не выдержал и осторожно начал:

– Слушай, Таня... А что за бред он тут излагал?...

Бред... А может – реальность? Я совсем запуталась. Будто огромные стереоэкраны подвешены кругом и где-то среди них затерялся проход в единственный, настоящий мир. Но правду не отличить, пока не подойдешь ближе...

– Надо уходить, Артём, – сказала я, – Искать объяснения будем потом.

Там, за ящиками вторая дверь... Я обернулась и замерла, вслушиваясь в гнетущую тишину. Как я могла забыть про собак! В нынешнем состоянии Михалыч точно не может ими управлять. И если они вернутся...

Из темноты по ту сторону ящиков не доносилось ни звука. Я посмотрела на Артёма. И заметила, что он не сводит с меня боязливо-восторженных глаз. Он уверен, что уж я-то обязательно что-нибудь придумаю.

Попробуем его не разочаровать.

Взяла кусок проволоки с пола. Чуть повозившись, освободила парня от наручников. Потом сама избавилась от массивного «украшения» на левом запястье.

Дальше обязанности распределились. Как и положено настоящему мужчине, Артём остался дежурить с «береттой» наготове. А я, пересиливая дрожь, шагнула в темноту за ящиками. Провела ладонями по стене. Не ошиблась – здесь есть выключатель. Заранее ёжась от того, что мне предстоит увидеть, щелкнула рубильником.

Тусклая лампочка растворила тьму, но истерзанного тела Слепня здесь не было. Только лужа крови на полу и следы – будто что-то волочили к пустому дверному проёму.

– Артём! Сюда!

Я приняла решение. Может это и не совсем верно, но лучше иметь дело с двуногими подонками, чем с «милыми собачками».

Вдвоём мы быстро перетаскивали несколько ящиков с консервами и забаррикадировали проход. Обнаружилась приятная находка: под консервами – ящик с аккуратно-упакованными осколочными гранатами. Применять их в закрытом помещении – себе дороже. Но если нет ничего, кроме восемнадцати патронов в единственной «беретте» – выбирать не приходится.

– Вставай, – приказала я Михалычу. Пошатываясь и стараясь не смотреть мне в глаза, он выполнил. Тихо попросил:

– Прикончи меня, Таня.

– Обойдусь без твоих советов.

Завернула ему руки за спину и надела браслеты:

– Пошёл вперёд!

Разместила Старика и физика за баррикадой из ящиков. Такое впечатление, что со времени, когда Михалыч держал нас на мушке, он постарел ещё лет на десять.

Что ж. Оба мужика в укрытии. Значит, хрупкая девушка может позволить себе слегка развлечься. Я сунула несколько «лимонок» в карманы куртки и осторожно приблизилась к железным дверям.

Тишина. Загадочная тишина. Наверное, бандитам совсем некуда торопиться, раз они решили устроить себе перерыв. Вот только у меня лишних минут не осталось. Всем нутром чувствую, что из проклятого подвала надо выбираться, как можно скорее.

Налегла на засов. Поддавайся, чёртова железяка...

И она действительно поддалась. Правда, не сразу и с таким громким металлическим скрежетом, что внутри у меня ёкнуло. По ту сторону дверей слышались голоса.

Я выдернула кольцо, рванула на себя тяжелую створку и, не глядя, швырнула «лимонку» в образовавшуюся щель.

Голоса зазвучали ближе – они решили проверить, что там с дверями. А потом донесся отчаянный вопль – вероятно, один из них увидел гранату у себя под ногами. Спустя мгновение раздался взрыв.

Отброшенная железная створка удержалась на петлях, но, крутнувшись, едва не прихлопнула меня, будто таракана.

Слишком близко.

Следующий «подарок» я швырнула сильнее и отскочила в сторону. По металлу застучали пули.

Взрыв. И всё стихает.

Опустившись на пол, я глянула сквозь щель. В слабом освещении уцелевшей за изгибом коридора лампочки чернели неподвижных тел. И главное – рядом, почти на расстоянии вытянутой руки, тускло поблескивал зажатый рукой мертвеца «барс».

Переборов соблазн, я решила не рисковать – никуда этот автомат не денется. Все равно будет моим. Выдернула кольцо из третьей гранаты, и осторожно приоткрыла двери. Длинная очередь немедленно забарабанила по металлу. Я отпустила чеку, выждала секунду и постаралась добросить «лимонку» до изгиба коридора. Падая в сторону, ощутила нежное дуновение пули в сантиметре от прически.

Почти сразу рвануло. Если кто из бандитов и пытался отправить гранату назад – вероятно, сильно об этом пожалел.

Я выхватила «барс» из мёртвой руки и дала контрольную очередь по находившимся в поле зрения телам. Может, это была излишняя предосторожность, но оружие-то все равно надо проверять.

Я добежала до поворота и, не глядя, метнула туда последнюю «лимонку»...

Уши окончательно заложило.

Пыль оседает.

Можно относительно безопасно любоваться делом рук своих. Уцелевшие бандиты после такого побоища должны растерять боевой дух. И пусть я ни фига не слышу, зато на сердце легко. Михалыч бы мной гордился... Прежний Михалыч.

Пора грузиться на тележку и идти на прорыв. Из пяти «барсов» – два покорежены взрывами, а три вполне исправны. А главное – не опустевший даже наполовину ящик с гранатами. Вполне достаточно, чтобы застраховаться от неожиданностей за поворотами и боковыми ответвлениями туннеля.

Наверное, такая самоуверенность была не слишком разумной, но в ту минуту я испытывала что-то вроде эйфории. Я больше не была чужой куклой и кое-что у меня получалось...

Звон в ушах начинает проходить.

Я трясую головой... Показалось? Нет.

Где-то впереди – автоматная очередь. Потом ещё одна. Впереди – настоящая перестрелка! Что-то хлопает и в воздухе плывёт пока слабый, но уже различимый аромат слезоточивого газа...

Я чувствую лёгкий озноб.

Значит, то была не галлюцинация... Те, кому Старик посылал Зов, оказались быстрее, чем даже можно вообразить. Остаётся надеяться, что слепневская «команда» задержит их хотя бы на несколько минут.

За спиной – шаги.

Рывком обернулась и едва удержала палец на спуске.

Артём окидывал «поле боя» потрясенным взглядом.

Я дёрнулась раздражённо:

– Ты чё приперся? Тебе же сказано...

– У меня, кстати, и своя голова на плечах!

Кажется, физик не против моего лидерства, но перевод наших отношений в вертикаль «командир-подчиненный» травмировал его мужскую гордость.

– За тебя беспокоился, – добавил он более миролюбиво, – А со Стариком – всё в порядке. Гранаты за пазуху и растяжки в стороны. Думаю, особо ерзать ему не захочется.

– Бери автоматы! Попробуем уйти «собачьей» дорогой.

Мы вернулись в комнату и я задвинула засов. Сомневаюсь, что эти стальные двери надолго их удержат.

– Таня! – заорал Артём так, словно увидел за ящиками самого Рыжего с американским спецназом в придачу.

Вскинув автомат, бросилась на вырубку. И обнаружила растерянно хлопающего глазами физика, а рядом две «лимонки» на полу. Но главное – никаких признаков Михалыча.

– Ушёл, гад! – кивнул Артём на отодвинутые ящики, которыми мы до этого забаррикадировали дверной проём.

– Растяжки, говоришь, – процедила я ледяным тоном.

– Да я всё на совесть делал!

Тоже мне, спец по минированию. Хотя... Это моя ошибка. После того, что случилось – не ожидала от Старика такой прыти.

А с другой стороны, что я могла сделать? Инъектор с последней ампулой «химии» исчез в бездонных бандитских карманах. И, значит, разумнее всего было последовать совету самого Михалыча. Пуля в лоб – и никаких проблем.

Но я не могу поступать разумно. Я должна узнать правду. Всю правду. И Старик – единственная зацепка...

Почему, освободившись, он сбежал? Это на Михалыча совсем не походило. Он никогда не отступал, пока имел шанс отыграться. Неужто я его так напугала? Артём уверял, что я отключила Старика взглядом. Полный бред...

В одном можно не сомневаться. Зов действительно был. И услышала его не только я.

Надвинула «ночные глаза», взятые у одного из мертвецов. Раздраженно постучала по оправе. Сняла и выбросила. Испорченное взрывом барахло.

Жаль. У штурмующих бандитскую цитадель, наверняка, есть «глаза». И в крошечной темноте мы будем перед ними, как на ладони. Остаётся надеется, что в собачьем туннеле врагов ещё нет.

Схватила фонарик, повесила на плечо два трофейных «барса» и рассовала, сколько могла, «лимонки» по карманам. Остальное – взял Артём. Тележку надо бросить. Даже, если удастся протиснуть её через дверной проём, в узких галереях толку от неё будет мало.

Поразмыслив, вернулась и прикрепила пару гранат к засову на железных воротах. Это не сильно повредит людям Михалыча – зато мы даже в туннеле услышим, когда они войдут.

Спустя пару секунд, задвинув за собой ящики (авось, не сразу догадаются где проход) мы уже брели за пятнышком света, боязливо порхающим среди густой тьмы. Моя рука с фонариком немного дрожала. Мерещились «милые собачки». Артём бодро хромал рядом – начала сказываться «царапина». А я изо всех сил старалась не выглядеть испуганной девицей.

Это было нелегко. В туннеле витал ощутимый аромат псины. Иногда нам попадались аккуратно разобранные человеческие костяки со следами зубов. Надеюсь – всего лишь, «соратники» Слепня, вовремя не оценившие его талант и мудрость.

Несмотря на подобные мелочи, мы довольно быстро двигались вперёд. Хотя и понятия не имели, куда же выйдем в результате. Боковых ответвлений – пока нет. Можно особо задумываться.

Хуже то, что свет фонарика начал заметно тускнеть. Как раз когда мы вышли к первой развилке. Немного поколебавшись, решили идти прямо. Через десяток шагов я с ужасом обнаружила, что собачьи запахи заметно усилились.

Схватила Артёма за плечо:

– Назад!

Сзади глухо рвануло. Сработала моя растяжка? Новым гостям потребовалось совсем мало времени, чтобы успокоить «хозяев метро» и добраться до дверей.

Как же это дерьмово быть в мышеловке!

Домчавшись до перекрестка, на этот раз мы свернули направо. А через минуту, холодея, услышали впереди знакомое ворчание. Едва тлеющий огонёк лампочки напоследок отразился в дюжине зрачков и погас.

– Милые пёсики, – шёпотом сказал Артём.

И дал в крошечную тьму длинную очередь из «барса». Как раз достаточную, чтобы до конца опустошить магазин. У меня патронов оказалось больше. В слабых отсветах выстрелов я увидела мчащуюся к нам темную, оскаленную массу.

Через мгновение что-то теплое, тяжелое сбilo меня с ног, подмяло под себя. И падая я успела всадить в это тёплое несколько последних пуль. Наверное, твари умерли ещё в прыжке – моя одежда почти сразу намокла от собачьей крови.

Рванула с плеча второй автомат и прикусила губу от досады – затвор заклинило. Дрожащими пальцами отсоединила магазин. И тут же выронила. Проклятье! Зашарила по полу. Бесполезно. Времени для поисков уже не оставалось. Из тьмы снова донеслось рычание. Первую волну атаки мы, кажется, уложили полностью, но у Слепня – много питомцев. Сомневаюсь, что патронов в потерянном магазине хватило бы для всех.

Я села, выбираясь из-под собачьих тел и нащупала ребристую поверхность «лимонки» в кармане. Применять её в узком коридоре – равносильно самоубийству. Но это – хоть не такая мерзкая смерть.

– Артём! – позвала я, не надеясь на ответ.

– Я в порядке, Таня, – слышалось из темноты.

– Уходим!

Главное – добраться до перекрестка. Несколько гранат из укрытия – всё, что нужно для приготовления нового блюда корейской кухни.

Он шевельнулся:

– Не получается... Что-то с ногой.

Голос казался очень спокойным:

– Уходи сама, Таня. У меня гранаты и пистолет. Я прикрою.

Я нашла в темноте его ладонь и крепко сжала:

– Вставай, Артём. Или вместе... или остаёмся.

Помогла ему опереться на моё плечо и мы двинулись в сторону перекрестка.

Медленно, слишком медленно... Граната с выдернутым кольцом кажется жутко тяжелой в моей руке... И густая чернильная тьма, словно в кошмаре, пружинит и тормозит шаги. А может это само время растягивается, превращая каждую секунду в вязкую, тягучую массу...

Потом я отчётливо слышу хриплое дыхание и цоканье множества собачьих когтей по бетонному полу. Совсем близко за спиной.

Мы так и не успели добраться до перекрёстка. Осознавая это, медленно, убийственно медленно, я оборачиваюсь. Рука с гранатой ползёт вверх...

Будто струна лопаётся в мироздании и секунды прыгают из-под ног перепуганными лягушками.

– Ложись! – ревёт незнакомый бас впереди. Вспыхивает ослепительный свет. Мы с Артёмом падаем, ещё не успевая понять и что-то крупнокалиберное начинает грохотать, закладывая уши и вычерчивая трассеры очередей над нашими головами.

Кровавые клочья летят в стороны из визжащей темной массы. Уцелевшие псы пытаются вырваться, теснятся, спотыкаются и падают, подрубленные огненным вихрем. С каждым мгновением растёт грудa изувеченных, навсегда оскалившихся в агонии тел.

Когда оружие замолкает – воцаряется тишина. Не слышно не визга, не скулежа. Корейским поварам и не снилось такое блюдо...

Я повернула голову и посмотрела на умельца. Здоровый «лоб» с крупнокалиберным пулемётом на ремне. Хочется надеяться, что им руководило бескорыстное желание помочь ближнему. Мою руку с зажатой «лимонкой» свело судорогой. Ничего, очень скоро обстановка прояснится.

– Это было круто, – заметил кто-то высокий, светловолосый, появляясь из-за спины пулеметчика.

Я моргнула, не веря глазам.

Глава 9

– Чингиз! – радостно заорал Артём. И попытался встать. Блондин шагнул к нему.

– Назад! – хрипло выкрикнула я. Поднялась и выразительным жестом переложила гранату в левую руку. Здоровяк с пулемётом разглядел, что кольцо выдернуто и брови его слегка поползли вверх. Даже, если он пристрелит меня, добежать до изгиба коридора все равно не успеет.

– Таня, – непонимающе уставился на меня Артём, – Это ж Чингиз!

– Очень приятно, – нахмурилась я, – Но пусть сначала скажет, как он нас нашёл! Наверное, чисто случайно проходил мимо?

Когда я думала о тех, кто спешит на Зов Старика – представляла себе хладнокровных, зомбированных убийц. А явился Чингиз – обаятельный, артистичный любимец околосетевой московской тусовки. Правда, маячившие рядом «лбы» явно смотрелись с оружием куда гармоничнее, чем с клавиатурой. «Гвардия» Слепня, по сравнению с ними, была сборищем доходяг.

Я вгляделась в безупречную физиономию блондина. Что ж, кличка «Король» ему подходит...

Если Чингиз и Михалыч – заодно, это многое объясняет. Две недели назад, когда я предложила «ГЛУБИНУ» в качестве места встречи, обычно дотошный Старик сразу согласился...

– Успокойся, Таня, – широко, белозубо улыбнулся Король, – И не вздумай разжимать кулачок. Найти вас было легко. На «тележке» есть радиомаяк. Как раз на тот случай, если кто-то чужой вздумает покататься.

– Чепуха. Здесь сплошной железобетон. Он гасит волны.

– Смотри на каком расстоянии. И какая длина волны. К тому же, совсем нетрудно заранее озаботиться о ретрансляторах.

– Это – возможно, Таня, – горячо закивал Артём, – Я, ведь, физик, я разбираюсь...

Я смотрела в безмятежно-голубые глаза владельца «ГЛУБИНЫ». Может у меня действительно паранойя?

– Брось дуришь, девка, – примирительно произнес здоровяк с пулемётом, – Давай сюда гранату. Только аккуратно.

– И что потом? Аккуратно надевать «браслеты»? Или может вы меня сразу аккуратно застрелите?

– Вообще-то, нам всем надо убираться отсюда. Чем быстрее, тем лучше. Но если граната дорога тебе, как память, я – не против, – заметил Чингиз, – Правда, всё время удерживать чеку слегка обременительно – ты не находишь?

Он достал из под куртки новенький «вальтер» и протянул мне:

– Пожалуйста. Можешь держать меня на мушке сколько угодно. А гранату отдай. Неровен час – пальчики устанут.

Я взяла пистолет. Для проверки выстрелила в потолок. Нежно, но крепко обняла блондина за талию. Отогнула край его лёгкого кевларового бронежилета и уткнула дуло «вальтера» в бок. Лишь после этого «лимонка» переключевала в лапищу одного из громил. Тот, не мешкая, бросился по коридору. Добежал до поворота и избавился от «подарка».

Раздался взрыв. Поморщившись, Чингиз скомандовал:

– Всё ребята, сваливаем!

Обождal, пока Артёму помогут встать. И зашагал, увлекая меня за собой. Он будто не замечал прижатого к собственному боку «вальтера». Здоровяки с повадками опытных телохранителей следовали впереди и сзади.

Возвращаться в логово бандитов не стали. Вместо этого, попетляв узкими коридорами и взорвав парочку дверей, выбрались в туннель. Совсем не тот, по которому нас с Артёмом сюда доставили. Чингиз двигался уверенно. Казалось, он наизусть знает все хитросплетения московских подземелий.

Две «тележки», аналогичные первой, уже поджидали нашу кампанию. И спустя несколько секунд, с выключенными фарами, но надвинутыми «глазами» мы мчались по рельсам метро всё дальше от пристанища несчастного свихнувшегося «философа»... Всё дальше от его «милых собачек».

Я, Чингиз и Артём ехали в кузове первой тележки. Разумеется, «вальтер» оставался прижатым к боку Короля, но это нисколько не мешало приятной беседе.

– Знаешь, Чинга, – осторожно начал физик, – Сегодня в «ГЛУБИНЕ» произошло маленькое недоразумение...

– Ничего себе маленькое, – ухмыльнулся блондин, – Куча трупов и море кровищи.

– Ты уже знаешь? – удивился Артём.

– Ну, если кто-то пытается устраивать из моего заведения двадцатый уровень «Doom»-а, я просто обязан об этом знать.

– Это не мы, честное слово, – торопливо заверил парень. И сквозь «ночники» я увидела, как темнеют его щеки. Черно-белые преобразователи «глаз» не могли передавать ярко-пунцовый цвет.

Артём кашлянул и уточнил:

– Мы совсем не хотели тебя подставлять... Так уж вышло. Они первые начали.

– Это правда, – кивнула я, – Некоторых опасно пускать в приличные заведения.

– Ага. Особенно, если они из ЦРУ или СОКа, – покачал головой Чингиз.

– Надо же, – удивилась я, – А мы думали – обыкновенные хулиганы. Ни за что бы не поверила, что в таких серьёзных конторах держат таких невоспитанных людей.

– И что же... Это ты всех положила? – хмыкнул Король. Даже через его «ночники» я ощутила внимательный оценивающий взгляд. А ведь он знает больше, чем хочет показать!

– Не всех, – скромно вздохнула я. Артём хвастливо вставил:

– Одного гада я успел. Как раз в комнате сисадмина. Представляешь, Чинга, он под тебя пытался «закосить»!

– Да уж... За такое надо убивать.

Я не видела глаз Короля, но была уверена, что они смеются. Удивительно. Инцидент в «ГЛУБИНЕ» ничуть не портил ему настроения.

Добирались мы не меньше часа. По рельсам двигались быстро, но однажды уперлись в обширный завал. Охранникам Чингиза пришлось перетаскивать тележки через узенькие, загроможденные ржавым хламом коридорчики на другую линию метро. Это ещё пустяк. В другой раз состоялась целая переправа – через канализационный коллектор по пояс в известном веществе.

– Неужели нельзя было выбрать другую дорогу? – страдальчески бормотал Артём.

– Радуйся незабываемым впечатлениям! – подбадривал его Чингиз, – Но если, хочешь, можешь одеть противогаз.

– Уж лучше, скафандр...

– По-моему, Чинга, теперь весь твой софт будет «с душком», – хмуро заметил Артём, когда мы вновь понеслись по рельсам, – Всех клиентов распугаешь...

– «Майкрософт» – не пахнет!

Хотя Чингиз прекрасно ориентировался в московских подземельях, не думаю, что это был обычный его путь. Скорее уж, мы специально добирались кружной дорогой.

Когда, после всех блужданий, мы оказались в сухом и чистом подвале, я не сразу поняла, что это конечная станция нашего путешествия. Бронированная дверь встала на место, перекрывая за нами проход.

– Никогда здесь не был, – честно признался Артём, стаскивая с себя «ночные глаза» и тут же спросил:

– Где здесь у вас душ?

Как будто от этой важной информации зависела вся его дальнейшая судьба.

Один из людей Чингиза набрал комбинацию на кодовом замке, часть стены отъехала в сторону и мы вошли в маленький вестибюльчик. Там уже ждал плечистый бритоголовый мужик средних лет. Под дорогим, но как-то нелепо сидевшим пиджаком у незнакомца явно оттопыривалось что-то не меньше «стечкина».

Мужик повел носом. Его простое и грубоватое лицо перекошилось в выразительной гримасе:

– Ну и пахнет от вас, хлопцы...

– Самый естественный запах, – радостно отозвался один из «королевских» охранников.

Бритоголовый глянул на «вальтер» в моей руке, всё ещё упиравшийся стволом в бок Чингиза и неодобрительно процедил:

– У нас, оказывается, гости. Картина Репина – «Девушка с пистолетом»...

Чингиз качнул головой:

– Всё нормально, Иван.

– Да? А то я уже начал беспокоиться... И почему так долго?

– Небольшие осложнения. Со Слепнем.

Иван перекривился, сплюнул в сердцах:

– Долбанный психопат! Я ведь говорил, не надо его жалеть.

– Думаю, больше не придётся, – жёстко прищурился Король, – Ребята расскажут.

Кое-что мы успели ему поведать. Не очень много. К счастью, мне удалось вовремя пресечь поток артёмовой болтовни.

– Только все разговоры потом, – уточнил Чингиз, – А сейчас, я бы, действительно, не отказался смыть с себя дорожную пыль и кое-что ещё...

Он окинул меня насмешливым взглядом:

– Мы так сблизились с Таней, что не можем расстаться даже на пару минут. Вероятно, и душ придётся принимать вместе?

Я с тоской посмотрела на дверь женской душевой в конце коридора. И буркнула:

– Не дожدهшься!

Спустя пару минут, предварительно вытребовав у Ивана чистую одежду и полотенце, я с наслаждением подставляла тело струям горячей воды. «Вальтер» я, разумеется, не отдала, аккуратно пристроив его за трубой.

Охранник у дверей вежливо посоветовал идти за ним. Мы проследовали к кабинке лифта. Здешняя резиденция Чингиза оборудована куда комфортабельнее «ГЛУБИНЫ» – не надо топать по крутой лестнице.

В обширном холле второго этажа – почти многолюдно. Все главные «персоны» в сборе. Неторопливо потягивавший апельсиновый сок Чингиз, раскрасневшийся после душа Артём – оба в белоснежных махровых халатах. И Иван, встретивший меня пристальным, не слишком добрым взглядом.

– Присаживайся, Таня, – указал Чингиз на удобное кресло, – Чай, кофе, сок?

– Какой там сок, – пробурчал Артём, – С самого утра маковой росинки...

– Придётся чуть обождать, – пожал плечами бритоголовый, – Скоро всё приготовят...

Не обращая внимания на эти бытовые подробности, я шагнула к окну. Обычный московский вид за односторонне поляризованным бронестеклом, обычное вечернее небо, пушистые комочки мелких облаков... Там, в слепневском подвале, я уже поверила, что больше никогда этого не увижу.

– Слушай, Чинга, – вдруг спохватился Артём, – Мне бы комп или «мыльницу». Надо кое с кем связаться... Дать о себе знать.

Иван извлёк из кармана плоскую коробочку мини-компа и положил на столик.

Не слишком это разумно с их стороны – позволять физику выходить на связь неизвестно с кем.

Артём откинул экранчик, выдвинул клавиатуру и быстро застучал по клавишам. Вдавил «Enter», отправляя «мыло». Иван и Чингиз наблюдали за этим со странной индифферентностью.

Наконец, Король не выдержал. Кашлянул и мягко заметил:

– Артём, по этому адресу ничего не пройдёт.

– Это ещё почему? – изумленно воззрился на него физик.

– Потому что сегодня утром он аннулирован.

– Откуда ты можешь знать? – недоверчиво прищурился Артём. Чингиз развёл руками.

И спустя секунду «пальм» отозвался резкой трелью, подтверждая его слова: «Несуществующий адрес!»

Физик ошарашенно уставился на экран.

– Извини, дружище, мы должны были это сделать, – вздохнул блондин, – Подстраховаться, на случай если тебе развяжут язык.

Хотя левая нога Артёма явно его не слушалась, он попытался вскочить с кресла:

– Не знаю, о чем вы, ребята... Мне пора!

– Сядь! – резко проговорил Чингиз, – И куда ты интересно пойдёшь? Там давно нет никого. С самого утра!

– Лабораторию пришлось перебазировать, – более миролюбивым тоном заметил Иван, – Такими вещами нельзя рисковать.

Артём опять свалился в кресло и непонимающе затряс головой. Мне, впрочем, тоже в пору было трястись.

– Какое вы имеете отношение к лаборатории? – выдавил физик.

Чингиз засмеялся. Потом стал серьёзным и мягко уточнил:

– Как, по-твоему, на чьи деньги вы существовали всё это время? Кто доставал новейшие «юсовские» чипы? Кто освободил из лагеря Володю Малеева?

– У СОКа ничего нет на Володю! Они сами его выпустили, когда он был уже при смерти.

– Правильно, – кивнул Король, – Только для этого одному дальнему... очень дальнему родственнику пришлось выложить круглую сумму.

– Понятно, – усмехнулся Артём, – И теперь ты хочешь получить дивиденды с вложенного капитала? Извини, Чинга, некоторые вещи не продаются...

– Да, – серьёзно сказал Король, – Самые важные вещи не продаются.

Я пощупала «вальтер» в кармане. Устала от загадок. Хотелось ткнуть стволом в блондина и заставить его выложить всю правду. Но, боюсь, этим я окончательно испорчу о себе впечатление. Иван, и без того, подозрительно косится в мою сторону. И «стечкин» всё ещё при нём.

– Чингиз, – вмешалась я в разговор, – Выходит, вам было заранее известно о встрече в «ГЛУБИНЕ»?

В ярко-голубых глазах Короля появилось что-то вроде сочувствия. Не люблю, когда на меня так смотрят. Словно на бездомного щенка путающегося под ногами.

– Да, Таня. Мы знали.

– Почему не остановили Артёма? Ведь догадывались, что в «ГЛУБИНЕ» – западня?

Чингиз прищурился, отводя взгляд:

– Не догадывались. Были уверены.

Тут мне опять захотелось ощутить успокаивающий холодок «вальтера» в руке.

Они заодно со Стариком? Но тогда... К чему устраивать вечер вопросов и ответов? Легче разобраться с нами по отдельности, без всех этих драматических эффектов.

Артём выглядел растерянным, словно человек получивший пулю между лопаток:

– Чинга... Что-то до меня доходит, как до жирафа. Вы... Вы специально меня подставили?

– Прости, Артём, – вздохнул Король, – Если сможешь...

– Несколько раз меня чуть не застрелили, пару раз едва не разорвали в клочья, а ты говоришь: «прости»? – тихий голос физика дрожал от ярости.

Раньше я его таким не видела. Хорошо, что у парня сейчас нет оружия.

Чингиз посмотрел на Артёма долгим взглядом:

– Ты прав на все двести... Иногда надо принимать тяжёлые решения. У нас не было выхода.

– А я считал тебя другом... – пробормотал физик и швырнул в стену пустым стаканом. Стакан не разбился. Глухо ударился о мягкое покрытие и упал на толстый ковёр.

Артём скривился как от зубной боли:

– Я не понимаю, Чинга, не понимаю... Ради чего?

– Ради многого. Американцы давно занимаются нуль-генераторами. И все равно, у них нет ничего подобного... «Стилет» – это лакомый кусок. Мы должны были им его бросить.

– Зачем так рисковать? – спросила я.

– Чтоб заставить их выложить все козыри. Даже те, которые они прячут в рукаве.

– Вы подозревали Миха... полковника Карпенко?

– Мы догадывались, что часть подпольных организаций существует на «юсовские» деньги. Мы бросили наживку и кто-то должен был заглотить крючок.

– Погодите... – вмешался Артём, – Но ведь «Стилет» – не пустышка, а реальность. И если бы меня взяли, они действительно бы всё получили!

– Не всё... – покачал головой Иван, – Далеко не всё.

Последнее и так было ясно. Для меня. Но не для Артёма. Для него это оказалось очередным ударом.

– Знаешь, дружище, ты – достойный ученик академика Копылова, – примирительно кивнул Чингиз, – Теория спинорных полей – штука непростая и твои модели здорово помогли.

– Это что же... Вы держали меня за дурачка? – забормотал физик с растерянной улыбкой. Мало того, что его подставили! Его оказывается ещё и элементарно водили за нос!

Блондин поморщился:

– Ты не прав. Ты классный спец в своей области, в теории нуль-перехода. Но никто не может одинаково хорошо разбираться во всём.

Артём снова попробовал встать. Неуклюже перевалился через подлокотник кресла. Я дёрнулась помочь, но он раздраженно оттолкнул мою руку. Больше всего на свете ему хотелось не видеть наших сочувственных рож.

Глава 10

Кое-как физик доковылял до бара в противоположном конце холла. Схватил бутылку коньяка и тяжело опустился на стул. Спина к нам.

– Надо чтобы врач посмотрел его ногу, – сказала я.

– Уже смотрел, – кивнул Иван, – Скоро всё пройдёт.

– Ты что врач?

– Я лучше, чем врач, – усмехнулся бритоголовый и достал из кармана кулёчек с пистолетным патроном, – Вот таким же его ранили в ногу. Само ранение – пустяк. Всё дело – в пуле.

Он протянул мне пакет. Я непонимающе завертела в руках... Пуля, как пуля. Разве что, цвет – необычный. Чернильно-чёрный.

– Пористый композит, пропитанный нервно-паралитической дрянью, – объяснил Иван таким тоном, словно злосчастный патрон был его собственным вкладом в мировую культуру.

– Если смазать химикатом обычную пулю – нужного эффекта не добьёшься. Большая часть яда окислится при выстреле. Совсем другое дело – пористые пули...

Он внимательно на меня смотрит. Будто не верит, что я могу не разбираться в таких вещах.

– И где эту дрянь делают? – спросила без особого интереса.

– Тебе лучше знать, – прищурился бритоголовый, – Это ведь твой друг пальнул в Артёма.

Ну да. Подобного вопроса я ждала.

– Перестань, Иван, – вмешался Король.

– А я что? Я ничего, – расплылся в ухмылке бритоголовый, – Так, любопытство одолело.

Я почти физически чувствую его взгляд. Да уж, любопытство... Если бы не Чингиз, думаю, наш разговор давно проходил куда в более интенсивной манере.

– Таня, ты должна нас понять, – вздохнул Король, – вся эта история с Михалычем очень запутана. Нам хотелось бы услышать твою версию. Желательно максимально полную, – он сделал на слове «максимально» особое ударение.

Опять допрос. Но, в отличие от Алана, ментосканированием мне не угрожают. Пока не угрожают.

Что ж, они имеют право на недоверие. И я действительно должна им всё выложить? Я ведь мечтала добраться до Новосибирска, чтобы найти кого-то из своих. И вдруг такое везение. Свои сами меня нашли...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.